
А. В. НИКИТИНА

ЗАЧЕМ КРЕСТИТЬ КУКУШКУ?..

К типологии обрядового атрибута

Когда речь заходит об обряде «крещения и похорон кукушки», как правило, возникает чувство неудовлетворенности, источником которого является известный набор позиций: жестко ограниченный, узкой локализации ареал бытования обряда; структурная размытость обряда, с одной стороны, и сложность, а в ряде случаев очевидная многослойность — с другой; обескураживающее разнообразие локальных и внутрилокальных вариантов исполнения; сильно разбалансированная, местами распавшаяся работа акционального, вербального и предметного кодов; многочисленные противоречия и несоответствия в разновременном фактическом материале и т. д. Все это скорее способствует выдвиганию в большей или меньшей степени обоснованных гипотез, нежели позволяет выстроить единую полноценную концепцию, которая могла бы убедительно и в комплексе ответить на большинство связываемых с обрядом вопросов.

Существующий по обряду обширный описательный материал отличается не только разнородностью, — он, по весьма точному определению Т. А. Бернштам, «многочисленный, но скудный».¹ Качественность фиксаций при этом находится в явной зависимости от временного фактора: первые материалы (описания В. Броневского и А. Глаголева)² были опубликованы в начале XIX в., последние же относятся к концу века двадцатого и к началу двадцать первого (записи Е. А. Журавлевой, Е. В. Миненок, О. А. Пашиной, Н. Русановой и др.).³ Их разделяют не только характерные для своего времени и уровня развития науки принципы отбора, фиксирования и интерпретации, но и сам материал, а также то, что на протяжении более чем полуторавекового периода выдвигались и разрабатывались различные интерпретационные модели, предлагавшие рассматривать обряд «крещения и похорон кукушки» с самых разных позиций.

Так, при обращении к наиболее старым фиксациям не вызывает сомнений, что «крещение кукушек» рассматривается главным образом как локальная разновидность ритуального троицкого (вариант: купальского) кумления.

В дальнейшем в разное время разрабатывалось несколько направлений этой интерпретации: кумление объяснялось как кумовство при крещении русалок,

¹ Бернштам Т. А. Обряд «крещение и похороны кукушки» // Сб. МАЭ. Т. 37: Материальная культура и мифология / Под ред. Б. Н. Путилова. Л.: Наука, 1981. С. 181.

² Броневский В. Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г. М., 1828. Ч. I—II; Глаголев А. М. О характере русских застольных песен // Труды Общества любителей российской словесности. М., 1821. Ч. XIX. С. 72.

³ Журавлева Е. А. Похороны кукушки // ЖС. 1994. № 4. С. 31—32; Энциклопедия суеверий / Сост. Э. и М. А. Рэдфорд (англ.), Е. В. Миненок (рус.). М., 1995. С. 220—222 (публикация Е. В. Миненок записей 1990-х гг. из Фольклорного архива ИМЛИ); Пашина О. А. Похороны кукушки и проходы русалки: Обряды весенне-летнего пограничья Восточной Брянщины // Мифологические представления в народном творчестве. М., 1993. С. 27—49; Русанова Н. Обряд «крещения и похорон кукушки» в Белгородской обл. // Фольклор и литература: проблемы изучения: Сб. ст. Воронеж, 2001. С. 237—245.

в частности, их особой группы — навей; его рассматривали как заключение союза девушек с русалками, отчасти с апотропеической целью; трактовалось оно и как средство к установлению (или восполнению) нарушенных (или утраченных) родовых связей; в нем видели также претерпевшую существенные изменения древнюю форму закрепления отношений внутри девичьих / женских половозрастных союзов и т. д. Можно также упомянуть отдельные попытки представить кумление девушек с кукушкой как остаточный элемент некоего религиозно-мистического обряда, связываемого с культом великой богини.⁴

Был период, когда активно разрабатывалась модель интерпретации обряда как локального варианта аграрно-производящих похорон. К рассмотрению в этом случае принимались в основном описания, которые имели составляющую «похороны кукушки», или те, которые только из этой части и состояли. При этом «крещение кукушки» или традиционно рассматривалось как троичное кумление — обряд самостоятельный, по неясным причинам присоединившийся здесь к обряду календарных похорон, — или не рассматривалось вовсе как несущественное.

Известны варианты толкования, когда «крещение кукушки» анализировали, исходя главным образом из очевидной приуроченности сроков проведения обряда к периоду активности кукушки, с привлечением материалов народных верований и примет на урожай, связанных с кукованием. Поскольку в этом случае в образе кукушки отчетливо просматривалось организующее начало — она проявляла себя как регулятор активности различных сил, способных влиять на плодородие, — обряд приобретал явные апотропеические характеристики.

Надо сказать, что и «похороны кукушки» могли трактоваться как узконаправленный апотропеический обряд, связанный с предотвращением нарушения кукушкой сроков кукования, этого особого периода, весьма важного в структуре земледельческого календаря, и связываемых с ним мифологических верований. К той же апотропеической семантике приводила и интерпретация обряда «крещения и похорон кукушки» в целом как характерного «проводного», когда основной целью становилось ритуальное выпроваживание нечисти или душ умерших в «мир иной».

По мере того как накапливался опыт сопоставления «похорон кукушки» с другими календарными проводами-похоронами, такими как «провода русалки», «похороны Костромы» и т. п., выдвигались также гипотезы, согласно которым обряд «крещения и похорон кукушки» стал рассматриваться не как аграрно-производящие похороны в их классическом понимании, но более упрощенно и узконаправленно, как обряд метеорологической магии — пловийный, на вызов дождя (возможно, наподобие южнославянских «Пеперуны» или «Додолы»), или как один из обрядов ритуальных похорон орнитоморфных персонажей (таких как «похороны соловья», «похороны воробья» или др.), также соотносимых с троичными обрядами и имеющих сходную основу.

Многообразие интерпретаций служит явным подтверждением полифункциональности, свойственной обряду «крещения и похорон кукушки», как и большинству календарных обрядов. При всем том этот обряд продолжает беспокоить исследователей, оставляя ощущение до конца не исчерпанного интерпретационного потенциала.

В центре обряда «крещения и похорон кукушки», так или иначе соответствуя поставленным целям, всегда был ритуальный атрибут, который неизменно именовался *кукушка* (в возможных вариантах),⁵ от которого обряд получил название и

⁴ Пример подобной интерпретации — статья А. Дугина «Орден непорочного единорога» (Наука и религия. 1997. № 3. С. 4—8), основой для ее написания, по-видимому, стала вышеупомянутая работа Т. А. Бернштам. Однако то, что Т. А. Бернштам было представлено исключительно в качестве гипотезы, автор статьи вывел за допустимые даже для популярной интерпретации пределы.

⁵ Е. А. Журавлева упоминает случаи, когда «основной ритуальный предмет никак не назван» (Журавлева Е. А. Похороны кукушки. С. 32), однако не приводит конкретных данных о том, что это за случаи и где они имели место. Соответственно нет возможности ни рассмотреть и оценить сам материал, ни сделать в его отношении какие-то выводы. Остается предположить, что, поскольку упомянутые данные являются поздними и касаются главным образом Белгородской области, речь идет о слу-

который вполне обоснованно может считаться своего рода камнем преткновения в осмыслении обряда, создающим немало проблем при анализе его специфики.

Не вызывает сомнений тот факт, что в попытках выяснить, что именно стоит за данным обрядовым атрибутом, особое значение приобретают многочисленные верования, связываемые с птицей кукушкой. Некоторые из этих верований — их не так уж много — в контексте обряда «крещения и похорон кукушки» не работают, другие же вполне могли бы стать ключом к пониманию значимых характеристик как «кукушки»-атрибута, так и обряда в целом. Кроме того, в качестве объекта подробного комплексного исследования немалый интерес представляет зафиксированное в столь ограниченном ареале разнообразие форм основного обрядового атрибута. Недооцененным, на наш взгляд, остается значение самой формы, которая придавалась «кукушке»-атрибуту и которую необходимо анализировать с учетом используемого для ее изготовления материала, а также всей имеющейся информации о том, во что и как ее обряжали, соблюдаемых при этом условий, принятых ограничений и проч. В этой связи возникает необходимость еще раз обратиться к существующим записям обряда для качественного их пересмотра, предпринятого в исторической динамике, уделив больше внимания сохранившимся комментариям участникам обряда, сопровождавшим и изготовление «кукушки», и совершаемые с нею обрядовые действия.

Все известные на сегодняшний день формы «кукушки»-атрибута условно могут быть разведены по трем основным группам: орнитоморфной, антропоморфной и фитоморфной. В своей работе Т. А. Бернштам определяла формы рассматриваемого ритуального объекта как варьирующиеся и видела в этом (а также в различной степени развитости или сохранности обряда в целом и отдельных его этапов) «отражение естественной неравномерности эволюции отдельных звеньев календарной обрядовой системы».⁶ На основании единой структуры обряда, единого содержания обрядовых действий, единого состава участников и единых же атрибуции и названия ритуального объекта Т. А. Бернштам пришла также к заключению о несомненной устойчивости рассматриваемого ритуального комплекса.⁷ Оставляя в стороне спорность представления о тотальном единстве, характеризующем взятый ритуальный комплекс в целом, мы находим последний пункт о единстве названия и атрибуции «кукушки» безусловно справедливым и считаем, что следует говорить о наличии взаимосвязей существующих форм, поскольку их, совершенно очевидно, должно наполнять единое содержание.

Вопрос о том, какую из форм рассматриваемого атрибута надо считать исходной, напрямую никогда не поднимался. В некотором смысле (безотносительно к «кукушке» и рассматриваемому обряду) он был затронут В. Я. Проппом в описании архаичной культуры «сил» при выстраивании цепочки трансформаций воплощений растительной «силы».⁸ Но можно считать, что скрытая дискуссия на эту тему велась фактически непрерывно от одной интерпретационной работы по обряду «крещения и похорон кукушки» к другой. В последнее время исследователи все больше склоняются к тому, что орнитоморфная форма является первичной, однако обосновать это непросто, как, впрочем, и объяснить причины перехода от одной формы «кукушки» к другой.

I. Первая из названных выше групп форм, орнитоморфная, могла быть представлена «настоящей», то есть живой птицей кукушкой (см. описания И. М. Снегирева, И. П. Сахарова, А. Н. Афанасьева, М. Забылина, Р. Е. Кедриной и др.⁹);

чаях или полного распада обряда, или его замещения другим обрядом троичного цикла на рассматривавшейся территории.

⁶ Бернштам Т. А. Обряд «крещение и похороны кукушки». С. 189.

⁷ Там же.

⁸ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. Л., 1963. С. 108—110. Далее цит. по: Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. СПб., 1995.

⁹ Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1837. Вып. 1. С. 183; Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М., 1849 (1-е изд.); далее по изданию: М., 1990. С. 307—308; Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1865. Т. 3. С. 225—229; Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным.

чучелом птицы кукушки (в том числе орнитоморфным изображением, сделанным из различных частей растений или из лоскутков тканей¹⁰); а также *другой птицей*, заменяющей в данной обрядовой ситуации кукушку и, соответственно, именуемой на это время кукушкой.

Свидетельств-описаний, в которых фигурирует «настоящая птица кукушка», в самом деле не много. Т. А. Бернштам указывает таких четыре: описания И. П. Сахарова, И. М. Снегирева, Р. Е. Кедринной и материал архива ВГО (р. 15, № 51, 64, 65; р. 19, № 10).¹¹ По большей части это описания давние, но со времени опубликования работы Т. А. Бернштам (1981 г.) информационный фонд по обряду «крещения и похорон кукушки» пополнился свежими экспедиционными записями середины и конца 90-х гг. (материалами различных архивов, в том числе архивов Центров народного творчества Института им. Гнесиных, Московской консерватории, Института мировой литературы им. Горького и др.); появилась дополнительная информация и в отношении орнитоморфной формы рассматриваемого обрядового атрибута.

В истории исследований обряда «крещения и похорон кукушки» уже был период, когда первичность этой формы не вызывала сомнений, но было также время, когда сама связь обряда с птицей кукушкой представлялась исследователям условной (Д. К. Зеленин, А. И. Смирнов, В. Я. Пропп¹²). На наш взгляд, весомым аргументом в пользу того, что такая связь не могла быть случайной или условной, а также что именно орнитоморфная форма атрибута должна считаться исходной, является инвариантное именование его «кукушкой» как в отдельных частях, так и в полном принятом названии обряда.

Название обряда «обряд крещения и похорон кукушки» (равнозначный вариант: «крестины и похороны кукушки») зафиксировано в различных модификациях, в том числе усеченных: «кукушки», «кумовство над кукушками», «крещение кукушек и кумованье», «крещение кукушек», «хоронить кукушку», «крестить кукушку».¹³ Исследователями неоднократно отмечалось, что в количественном отношении последнее название преобладает. Если же, как это фиксировалось в ряде мест, обряд проводился поэтапно и эти этапы — у разных исследователей их количество варьируется от двух до пяти — носили собственные названия, единое наименование в них атрибута *кукушкой*, судя по всему, являлось ключевым компонентом: «замечать кукушку» (Тул. губ.), «проводить кукушку», «опалывать кукушку» (Кур. обл.), «светить кукушку» (Белгород. обл.), «водить кукушку» (юго-вост. Брян. обл. и сев.-зап. Кур. обл.), «смотреть кукушку» (Орлов. губ.) и т. д. Подчеркнем, что все приведенные названия разновременные; кроме того, при их рассмотрении необходимо помнить и о жесткой ограниченности ареала бытования самого обряда, и об избытке существующих различий на всех уровнях данной обрядовой структуры. Подчеркнем также, что названия с «кукушкой» сохраняются

М., 1880. С. 65 (Репринт. изд.: М., 1990); *Кедринна Р. Е.* Обряд «крещения» и «похорон» кукушки в связи с народным кумовством // ЭО. 1912. № 1/2. С. 101—139.

¹⁰ Данные архива ГО (XIX, 10, л. 4) по Тимскому у. Курской губ., указ. по: *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов: XIX — нач. XX в. М., 1979. С. 201. Можно предположить, что и в этом случае предпочтение отдавалось материи растительного происхождения — тканевым лоскуткам из крапивных, конопляных или льняных волокон.

¹¹ *Бернштам Т. А.* Обряд «крещение и похороны кукушки». С. 186, сн. 22. Подчеркнем, что два первых из указываемых описаний относятся к начальному периоду фиксации обряда.

¹² *Зеленин Д. К.* Избранные труды: Очерки русской мифологии. Пг., 1916. Вып. 1: Умершие неестественной смертью и русалки (далее цит. по: *Зеленин Д. К.* Избранные труды: Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995); *Смирнов В. А.* Обряд «крещение и похороны кукушки» и купальская обрядовая поэзия восточных славян // Фольклор и историческая действительность. Л., 1981. С. 62—70; *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. С. 100; 108—110.

¹³ Для ранних фиксаций обряда характерно именование атрибута во множественном числе (см. названия обряда или тексты пояснений записывавших): «кукушки», «кумовство над кукушками» и т. д., но при этом в описаниях обрядовых действий и в текстах сопровождающих эти действия песен ритуальный объект, как правило, фигурирует в единственном числе. Возможно, это является косвенным подтверждением того, что название и сама суть обряда связаны с представлениями о кукушках — воплощениях душ умерших. Тем более что одно из названий периода, с которым в большинстве случаев связывалось проведение обряда, было «кукушки» (= «зеленые святки»).

даже в тех местах, где принято говорить о сильно редуцированном бытовании обряда или даже о явном его распаде, когда, казалось бы, ничто не указывает на связь с одноименной птицей. Подобную сверхустойчивость можно объяснить лишь тем, что наименование атрибута оказывается здесь именем-символом,¹⁴ которое по определению обладает своим особым семантическим полем, аккумулирует суть явления, представляет в свернутом состоянии весь смысловой объем связанного с ним обрядового действия. Если формулировать кратко, «кукушка» в данном случае является ключевым атрибутом и обрядовым символом.

Даже ранние, более чем полуторавековой давности описания обряда «крещения и похорон кукушки», в которых значение «кукушки» представлялось вполне определенным, по сути дела не содержат прямых свидетельств использования в обрядовых действиях живой птицы кукушки.¹⁵ Есть лишь упоминания, что это некогда практиковалось, причем почти всегда с обязательным указанием использования альтернативной замены, например: «...приготавливают заранее *птицу кукушку*, а за неимением сплетают из травы *кукушкины слезы* (*orchis latifolia*) венок...»¹⁶ В начале XX в. этой практике использования различных, прежде всего растительных, замен «настоящей» кукушки дается естественное и простое объяснение — трудность ее добытия: «Некоторые женщины говорят, что раньше крестили настоящую птицу кукушку <...> Вследствие трудности достать настоящую птицу ее стали заменять „кукушкиною травой“ ...»¹⁷ К приведенной цитате можно добавить данные конца XX в., говорящие о том, что кукушка могла заменяться другой птицей (в частности, в д. Бакшеево Брянского р-на — воробьем), но при этом атрибут продолжал именоваться кукушкой; или что таковой изготавливался в виде птицы, с соответствующим комментарием информанток: «Яе делают, как птичку, — живую ж яе не паймаешь...»¹⁸

Как уже было сказано, чтобы понять, что стоит за «кукушкой» — обрядовым символом, необходимо обращение к комплексу традиционных представлений и верований, связываемых с птицей кукушкой. Такие попытки предпринимались неоднократно, а представления и верования избирались для интерпретирования самые разнообразные: от прогностической и медиативной функций кукушки до странностей ее происхождения или истоков приписываемого ей оборотничества.

Среди ранних описаний обряда «крещения и похорон кукушки» только у И. П. Сахарова имеется помета, что, по мнению знающих традицию людей, данный обряд является «птицегаданием». Кроме того, отзываясь скептически о принятой в то время трактовке «крещения кукушек» как «крещения русалок», он указывает на расхождение таковой с русскими традиционными представлениями:

¹⁴ См., например: *Лотман Ю. М.* Символ в системе культуры // Символ в системе культуры: [Сб. ст.] Тарту, 1987 (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та; Вып. 754. Труды по знаковым системам). С. 1–21; *Гусев В. Е.* Русская народная художественная культура (теоретические очерки). СПб., 1993; *Толстой Н. И., Толстая С. М.* О вторичной функции обрядового символа (на материале славянской народной традиции) // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сб. статей памяти С. А. Токарева. М., 1994.

¹⁵ Из существующих описаний только у М. Забылина прямо говорится о «живой кукушке» (Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. С. 65), однако, поскольку информация не первична, очевидно, что здесь допущена вольность в изложении материала И. М. Снегирева, см.: Русские простонародные праздники <...>. С. 183.

¹⁶ Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. С. 307.

¹⁷ *Кедрина Р. Е.* Обряд «крещения» и «похорон» кукушки в связи с народным кумовством. С. 102–103. Напомним, что именно в работе Р. Е. Кедриной были впервые помещены три наиболее известные из опубликованных на сегодняшний день изображений «кукушки»; одно из них — единственное изображение ритуально обряженной птицы кукушки, а не ее замена, представленная в той или иной форме.

¹⁸ *Журавлева Е. А.* Структура русского обряда с «кукушкой» // Учен. зап. РПУ. М., 1998. № 4. С. 195. В этой связи интересная деталь встретилась в выложенной М. С. Альтшулер в Интернете информации, содержащей фрагменты экспедиционных записей (Людиновский р-н Калуж. обл.): «... иногда куклу (кукушку. — А. Н.) делали с „каблучками“, то есть конец каждой из двух веточек раздваивался еще раз; возможно, что это орнитоморфная деталь, обозначающая птичьих ножки... (курсив мой. — А. Н.)» (*Альтшулер М. С.* Архив ЦНМ Московской консерватории. Цит. по тексту, размещенному на сайте: http://derbenevka.com/nart.php?i=arhiv_obryady&num=kuk).

«...наша народная символика имеет совершенно другое верование о кукушках».¹⁹ Из сказанного можно заключить: факт изначального использования в обряде «настоящей птицы кукушки» у И. П. Сахарова сомнений не вызывал, но связи кукушки с русалками он в обряде не усматривал, а говоря о народных верованиях, скорее всего имел в виду распространенные повсеместно представления о предсказаниях кукушки (широта спектра здесь остается под вопросом).

Вполне вероятно, что в верованиях, связываемых в русской народной традиции с прогностической функцией кукушки, закрепленных в различных гаданиях и приметах, сохранилась толика древних знаний и ритуальных приемов авгуров, толковавших по поведению птиц, их крику и прочим «знакам» суть грядущих событий, возможных перемен. У этих верований, в самом деле довольно многочисленных, корни уходят очень глубоко, поскольку совпадения, отмечаемые в них при сопоставлении с существующими аналогами в других традициях, указывают даже не на общеславянскую, но на единую индоевропейскую основу (работы В. Мангардта, А. Губернатиса, В. Клингера, О. Кольберга и др.).²⁰ Вся совокупность представлений об особой значимости роли кукушки в весенне-летний период (и в связанной с этим переходным периодом обрядности) можно свести к следующему ряду позиций:

— кукушка — в первую очередь звук ее голоса — считается знаком, возвещающим приход весны, наступление нового годового цикла, нового периода возрождения продуцирующих сил природы и человека; для услышавшего первое кукование жизнь, счастье и удача в наступившем году зависят обычно от контекста ситуации, от целого комплекса условий, таких как: место и характер кукования, время суток, местоположение услышавшего кукушку по отношению к ней, его физическое состояние на тот момент, соблюдение им предписываемых правил ритуального поведения и т. д.; кроме того, в большинстве славянских традиций сохранилось представление, что начало кукования — это еще и знак активизации недобрых сил «иногo» мира, особенно опасных для всех находящихся в переходном или пограничном состоянии (молодых, недавно вступивших в брак, просватанных невест и женихов, беременных женщин, рожениц и новорожденных, умирающих) или в близком к таковому (малых детей, молодежи в брачном возрасте, сирот, вдов); соответственно, умолкание кукушки становится знаком завершения сложного и опасного периода;

— по кукованию кукушки делается немало бытовых хозяйственных предсказаний на год: о приплоде или падеже скота, об урожае / неурожае хлеба, конопли и льна, лесных орехов и ягод, о порче сыра, о снижении / повышении удоев и проч.; существует также немало примет на проведение (начало, окончание и даже качество) сельскохозяйственных работ: посев овса, льна, начало покоса и т. д., — одним словом, вся перечисленная бытовая информация «от кукушки» сводится к ожидающим крестьянина в наступившем году богатству или бедности; подчеркнем, однако, что негативный характер этой информации, как правило, преобладает;

— метеорологические предсказания, связанные с кукушкой (опять же в первую очередь с ее голосом), отличаются не меньшим разнообразием: кукование предвещает морозы, грозы, ненастье, теплую / холодную весну, погожую осень, снежную или сухую зиму, дождь или его прекращение и т. д.,²¹ главное при этом — не запутаться с расшифровкой условных знаков. Блок метеорологических предсказаний можно было бы не выделять в отдельную группу, поскольку в конечном счете все они относятся к сфере земледелия и касаются вопросов плодородия и крестьянского благополучия. Однако именно эти предсказания могут быть соотнесены с народными представлениями о пагубном влиянии русалок (и их наибо-

¹⁹ Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. С. 308.

²⁰ Mannhardt W. Germanische Mythen. Berlin, 1858; De Gubernatis A. Die Tiere in der indogermanischen Mythologie. Leipzig, 1868; Клингер В. Животные в античном и современном суеверии. Киев, 1911; Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 1—60. Wrocław; Poznań, 1961—1985.

²¹ См.: Ермолов А. С. Народное погодоведение. М., 1905. С. 83, 377; сжато по общеславянскому материалу: Никитина А. В. Образ кукушки в славянском фольклоре. СПб., 2002. С. 52—54.

лее агрессивной разновидности — навей) на урожай: их действиям приписывались бури, сильный ветер, засухи, градобития, природные пожары и т. п.,²² — и с разнообразными обрядами, также связываемыми с обеспечением урожая («проводы русалки», «похороны Костромы» и т. п.).

Если подходить к обряду «крещения и похорон кукушки» с этих позиций, становится очевидно, что он должен преследовать две цели: первая — умиловать потенциальный источник опасности и тем самым защитить будущий урожай от возможного вредного воздействия со стороны природных и магических сил; вторая цель — заручиться поддержкой, помощью упомянутых сил (или их источника) для обеспечения этого самого урожая.²³

В этом контексте, по-видимому, можно говорить об уникальном по своей сути положении кукушки. Причем не в качестве некоего символа — воплощения плодородной силы, а скорее регулятора, способного координировать активность сил, влияющих на благополучие (= плодородие) природы и человека.

Известны особые связи, которые наблюдались у кукушки с «житом» — рожью и / или ячменем, реже с овсом. Приметы четко фиксируют, что внимание в первую очередь уделялось времени колошения (цветения) или созревания этих культур.²⁴ Последний из указанных временных моментов, вне всякого сомнения, имел более важное значение, поскольку связывался с окончанием кукования и воспринимался как маркирующий завершение упоминавшегося непростого во многих отношениях периода: «(Кукушка кукует) до жнив, как только рожь заколосится»; «До Петрова дня кукушка кукует, к Петрову дню должен ячмень выколоситься...» (рус.);²⁵ «Когда кукушка видит первые крестом сложенные снопы пожатого жита, она не смеет больше куковать» (серб., луж.);²⁶ «(Кукушка кукует), пока ячмень колос не выпустит»; «Кукушка кукует, пока не высыплется ячмень (вариант: овес. — А. Н.)» (пол.)²⁷ и т. д.

В одних представлениях причины замолкания кукушки не указываются или не обозначаются четко — просто срок подошел, а колошение (или осыпание) «жита» или начало жатвы становятся лишь временным знаком завершения кукования. Из других следует, что кукушка дольше обозначенного срока куковать боится («не смеет»), но конкретные причины кукушкиных страхов опять же, как правило, не называются.²⁸ Однако есть и такие представления, согласно которым кукушка

²² Фактический материал по верованиям, иллюстрирующий двойственное влияние русалок на урожай, см.: Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 108, 201, 205 (вредное воздействие); 194, 205 (оберегание посевов, содействие вызреванию, урожайности); Виноградова Л. Н. Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // СБФ: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 101.

²³ Об этой борьбе за жизнедающую силу хлеба в противостоянии человека и сил иного мира, но только в жатвенной обрядности, см.: Лобкова Г. Древности Псковской земли: Жатвенная обрядность: Образы, ритуалы, художественная система. СПб., 2000. С. 27—29; там же на с. 30—32 помимо чрезвычайно интересного фактического материала дается важная, подтверждаемая этим материалом концепция глубинной взаимосвязи человека, его рода и земли, которая обрабатывается поколениями одной семьи, в контексте естественного взаимообмена жизненных сил.

²⁴ Д. К. Зеленин и В. Я. Пропп согласно говорили о времени цветения / колошения жита (ржи, ячменя) как времени активизации природных жизненных сил и активизации сил мертвых, чье покровительство обреталось усилиями живых. Д. К. Зеленин естественно соотносил это с русалками (время цветения ржи — время появления русалок и их активности) и упоминал П. П. Чубинского, писавшего, что «Бог отпускает мертвецов с того света (в мир живых. — А. Н.), когда цветет жито» (Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 250, 251—262); об очевидной связи аграрной обрядности с культом предков см.: Лобкова Г. Древности Псковской земли. С. 33; в том же разделе см. об особой роли кукушки в поддержании контакта с миром предков в период созревания урожая.

²⁵ Лобкова Г. Древности Псковской земли. С. 38.

²⁶ Борђевић Т. Р. Природа у веровању и предању нашега народа. Београд, 1958. Књ. 2. С. 10.

²⁷ Majewski E. Kukułka (*Cuculus Canorus* L.) w mowie, pieśni i pojęciach ludu naszego // Wiśła. Warszawa, 1898. T. 12, z. 3. S. 389.

²⁸ Одной из причин кукушкиной боязни, по общеевропейским представлениям, оказывается сезонное (после Петрова дня или дня Ивана Купалы) проявление другими птицами агрессии по отношению к ней: ее начинают отовсюду гнать; в народном понимании это явление отчасти объясняет присущие кукушке одиночество и печаль, а его «корни» находятся в верованиях в оборотничество кукушки. См.: Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 695; Кли-

умолкает, потому что «давится» созревшим колосом: «...житным (ржаным) колосом подавится» (рус., повсем.); «...задавятся (кукушки) этим зерном (ячменным), остам, и тогда уже не кукуют» (Псков. обл., Плюссский р-н).²⁹

Кукушка «давится» («душится», «затыкается») колосом или жестким остьем; она «опивается» ячменным молочком (ср. с известным выражением «зерно молочной спелости»),³⁰ которое она очень любит; «объедается» ячменными или сырными лепешками (вост.-слав., ю.-рус., полес. *мандрыками*) или ватрушками, сырными варениками, житными галушками, специально предлагаемыми³¹ кукушке с целью заставить ее замолчать. Так, например, в Полесье этот обычай даже получил собственное название — «давить зозулю», — ясно говорящее о направленности действий: «На Пэтра (...) нада наварыть варэникоў з сиру, потому шо уже заўзула доўжна удавicia этим сиром, варэником и не коўать большэ. Кажуть, удавили зязюльку» (зап. С. М. Толстой, А. В. Гуры, Т. А. Агапкиной и А. Л. Топоркова).³²

Обезвреживание кукушки — необходимость заставить ее умолкнуть, не куковать после определенного срока — может прямо указываться в качестве цели проведения обряда «крещения и похорон кукушки» (но это опять-таки в фиксации позднего времени), о чем свидетельствует комментарий участниц обряда: «Кукушке положено куковать до Петрова дня, если после закукует — это к несчастью, вот мы и хороним ее, чтобы она больше не куковала» (Калуж. обл.).³³ Надо сказать, что в таком случае «крещение» или отсутствовало, или опускалось как не востребовавшая часть обряда, и проводилась лишь его вторая часть, соответственно и название обряда в целом звучало усеченно: «похороны кукушки».

В одних местах срок умолкания кукушки приходится на Вознесение, в других — на Петров день, и сроки проведения обряда «крещения и похорон кукушки», как известно, варьируются, причем довольно существенно. Согласно большинству описаний, обряд связывался в первую очередь с Троицкой неделей: наиболее часто в качестве времени его проведения назывались непосредственно Семик и Троица, а также Духов день (то есть понедельник Троицкой недели), и в ряде случаев указывалось Вознесение³⁴ (за 10 дней до Троицы). Много реже обряд проводился

гер В. Животные в античном и современном суеверии. С. 60; Боржевић Т. П. Природа у веровању и предању нашега народа. С. 4; Majewski E. Kukučka (Cuculus Canorus L.) w mowie, pieśni i pojęciach ludu naszego. S. 386, 391; Добровольский В. Н. Звукоподражания в народном языке и в народной поэзии // ЭО. 1894. Кн. XXII, № 3. С. 90.

²⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е. М., 1880. Т. 2. С. 214; Лобкова Г. Древности Псковской земли. С. 37—38.

³⁰ Упоминания о ячменном молочке встречаются в польских верованиях, где нет указаний на сырныи и ячменные лепешки (*Majewski E. Kukučka (Cuculus Canorus L.) w mowie, pieśni i pojęciach ludu naszego. S. 389*); а у чехов считается, что и начало пения кукушки связано с достижением зеленым овсом «молочной спелости»: «Kukačka nezačne kukat', až se nažere zeleného ovsu» (Кукушка не начнет петь, пока не наестся зеленого овса) (*Bulat P. Kukavica // Narodna starina. Zagreb, 1933. Knj. 12, sv. 31. S. 86*).

³¹ Считается, что сырныи вареники или лепешки — мандрыки — будто бы так нравятся кукушкам, что они «крадут их, жадно едят и, подавившись ими, перестают петь» (*Афанасьев А. Н. Происхождение мифа: Статьи по фольклору, этнографии, мифологии. М., 1996. С. 304*). Упомянув «праздник кукушек у румунов», А. Н. Афанасьев, похоже, усматривал аналогию с описываемым обычаем с мандрыками (со ссылкой на публикацию в журнале «Телескоп» (1833. № 8. С. 501—502)); ряд соответствий полескому обычаю имеется у западных украинцев, а у гуцулов по окончании Петровского поста пекутся сырныи лепешки, «весьма приятныи кукушкам» (*Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. С. 687*).

³² Цит. по: Гура А. В. Символика животных... С. 697—694.

³³ Энциклопедия суеверий. С. 222 (записи 1995 г. из Фольклорного архива ИМЛИ, публ. Е. В. Миленок); ср.: «Ее (кукушку) и хоронят для того, чтобы она «ку-ку» не кричала» (*Пашина О. А. Похороны кукушки и проводы русалки. С. 32; Вост. Брян., 90-е гг.*).

³⁴ На Вознесение как наиболее активную в обрядовом отношении временную позицию указывает, в частности, Е. А. Журавлева: «Снаряжение (кукушки) и кумление участниц обряда чаще всего происходит на Вознесение — четверг на шестой неделе после Пасхи (...) Подобная приуроченность обряда часто связывалась его исполнителями со временем, когда прекращает куковать кукушка (курсив мой. — А. Н.): «Кукушка кукует шесть недель. Когда шесть недель останется до Вознесения, она уже тут начнет куковать. Потом перекстят ее, и сколько еще после квшения. А потом нема опять ее» (*Журавлева Е. А. Похороны кукушки. С. 33; с. Выезжье Ивнянского р-на*); еще раз подчеркнем: данное наблюдение полностью соответствует принятому обоснованию времени проведения обряда, но в первую очередь относится к современной Белгородской обл.

в Николин день (то есть 9 мая ст. ст. / 22 мая н. ст.) или во второе воскресенье после Пасхи (Неделя Жен-Мироносиц); есть также упоминания о третьем и шестом воскресеньях и, конечно же, о Петровом дне (29 июня ст. ст. / 12 июля н. ст.). Последний считался в народе крайним сроком завершения кукования («Кукушка кукует до Петра, а после Петра — ни дня»), и как таковой он должен рассматриваться и в отношении времени проведения обряда «крещения и похорон кукушки».³⁵

Справедливости ради необходимо упомянуть и такие свидетельства (они многочисленны и главным образом относятся к Орловской губ. / обл.), в которых говорится о проведении обряда при первом куковании кукушки (в этом случае обряд также проводился не в полноценном, развернутом виде, а только та его часть, что была востребована, — «крестили кукушку»)³⁶.

Вывод из сказанного: сроки проведения обряда «крещения и похорон кукушки» (в том числе в его классическом рассечении на части) совершенно очевидно соотносятся с границами периода активности кукушки, со временем ее кукования. Кукующая кукушка — и это четко просматривается на материале гаданий и примет — предстает как регулятор, организующее начало в том состоянии хаоса, в каком пребывает природа в переходный момент. Здесь нет возможности подробно останавливаться на круге тем календарно-бытовых примет и предсказаний, связанных с кукушкой, но и без того ясно, что подавляющее большинство таковых опирается на две фиксированные временные позиции — на момент начала и момент завершения кукования, отчего этим «пограничным точкам» и уделяется особое внимание. Все, что выходит за установленные границы, носит характер нарушения нормы и ведет к негативным последствиям (тексты верований и связанных с ними примет стабильно отмечают эту явную зависимость). Кукушка, закуковавшая раньше положенного срока, или, что еще более опасно, продолжающая куковать после него, указывает на серьезный «сбой» в выстраиваемом порядке — на продление периода активности сил «иного» мира.

По другой известной версии, распространенной и в славянских, и в западноевропейской традициях, опасность заключена в самой кукушке, продолжающей куковать за рамками положенного срока, — она становится оборотнем,³⁷ приобретающая черты и повадки хищных птиц: превращается в ястреба или коршуна и принимается таскать цыплят. С учетом самого известного «греха» кукушки: своего гнезда не вьет, потомства не выводит, подбрасывает яйца другим птицам — подобная метаморфоза лишь усиливает представление о ее исключительности и подтверждает катастрофичность последствий нарушения нормы. К тому же не столько хозяйственные утраты, связанные с разбойничьим поведением ястреба, сколько устойчивые негативные коннотации, которые традиционно связываются с образом этого пестрого хищника,³⁸ делают такое оборотничество в народном представлении крайне нежелательным.

³⁵ Отметим, что после Петрова дня не проводятся и «проводы русалки» (Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 249—250).

³⁶ См.: Бернштам Т. А. Обряд «крещение и похороны кукушки». С. 183, со ссылкой на: Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898. Т. 1, вып. 1. С. 343; Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. С. 307—308; Сухотин С. Несколько обрядов и обычаев в Тульской губ. // ЭО. 1912. № 3/4. С. 98; Архив ВГО. Р. 19. № 10. Л. 4; ГМЭ. 1223. Л. 4 об.; 520. Л. 36. В отношении первого кукования важным представляется высказанное В. К. Соколовой предположение, что «первоначально обряд с „кукушкой“ происходил ранней весной, когда впервые раздается ее кукование. С кукушкой был связан ряд поверий и примет. Возможно, что, когда кукушка начинала куковать, делали ее изображение, подобно тому, как печенье „жворонков“ должно было вызвать их прилет» (Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. С. 203; в принципе это подтверждается материалами по исследуемому региону: в Западном Полесье на Благовещение, считавшееся наиболее частой «стартовой» позицией кукования, традиционно выпекали «зозульки» (Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. С. 700); известны также весенние свистульки-кукушки, которые издавна делались в Курской обл.); и те и другие, по-видимому, имели как стимулирующее, так и умиростивительное значение.

³⁷ Клиндер В. Животные в античном и современном суеверии. С. 60.

³⁸ В традиционном фольклоре коршун, ястреб, а также некоторые другие представители семейства ястребиных сливаются в единый образ хищной птицы, «наделяемой символической нечистоты и смерти, а также демоническими и отвращающими свойствами» (Славянские древности: Этнолингвистический

В связи с этим стоит упомянуть принятые ритуальные обезвреживания = выпроваживания («похороны») целого ряда «птичьих» персонажей: коршуна / ястреба (= ворона), соловья, воробья и т. п., которые, как и обряд «крещения и похорон кукушки», были приурочены к семицко-троицкому периоду и, по мнению некоторых исследователей, имеют гораздо больше общего с ритуальными проводами русалок,³⁹ чем это принято было считать.

В. К. Соколова писала: «Обряды „похорон воробья (соловья)“ были построены примерно по одной схеме: чучело из соломы или травы, навитых на вертикальную часть деревянного „креста“, обматывали лопухами и украшали одним или несколькими венками. „Соловуху“ или „воробья“ водили по селу, держа поперечную палку, вокруг них плясали, водили хороводы... Затем между партией парней и девушек разыгрывалось шуточное сражение, чучело несли в рожь, разрывали там и закапывали (а иногда топили в реке) со следующей припевкой: „Сохнет, вянет в полюшке / Травка без дождя...“»⁴⁰

Из цитаты видно, что уничтожение этих орнитоморфных персонажей (разрывание и захоронение во ржи или утопление) осуществлялось не столько для обезвреживания стоящих за ними вредоносных сил, сколько направить их активность в созидательное русло: для вызревания посевов необходим дождь; то, что в данном случае имеет место акт определенного типа метеорологической магии, подтверждается и акциональным, и вербальным кодами обряда. Поскольку хтоническая природа птицы здесь сомнений не вызывает, вопрос, почему такие «выпровоживания» (= «похороны») оказываются в одном ряду с «проводами» русалки или Костромы,⁴¹ снимается.

В приведенном описании определенный интерес представляет способ изготовления «птички» — навивание соломы или травы на «крест» — деревянный остов-основу,⁴² а затем обматывание «тела» чучела лопухами и украшение венком или венками, что действительно напоминает один из способов изготовления «кукушки», только растительный материал в нем заменили лоскутки ткани: «...это была тряпичная кукла, в основе которой была раздвоенная березовая (иногда ольховая) веточка. По выражению исполнителей, ее «пеленают», то есть *обертывают* (курсив мой. — А. Н.) красивыми тряпочками, которые приносят девки...»⁴³ (Людиновский р-н Калуж. обл.; это фиксация недавнего времени, к тому же единичная). Основы

словарь: в 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 2. С. 613). Эту символику и связь с другими птичьими персонажами в прочих славянских традициях наиболее полно отражает укр.-подольский обряд изгнания (= похорон) коршуна / ястреба. По-видимому, именно символика повлияла на цветовое восприятие этой птицы: в обрядовых текстах (и в песнях, и в ритуальных формулах) ее не называют петстрой, но устойчиво именуют «черной птицей», несущей смерть. Кроме упомянутого превращения кукушки в ястреба обрядовые параллели этих персонажей обнаруживаются сразу по нескольким позициям: во-первых, упомянутый обряд связан с Петровым днем — он проводился в 1-й день Петровского поста; во-вторых, обряд имел очевидную защитную направленность — ястреба / коршуна «гонят» и «хоронят», «чтоб курей (...) не хапал»; кроме того, учитывая известную для кукушки альтернативу обращению в ястреба — она прячется в капусте (полес.-брест.), — возникают явные пересечения названия ястреба / коршуна (шуляк, шулик и т. п.), принятые у восточных славян, с названиями незавившихся кочанов капусты (= шуляк, шулик, ястребуха), а также с капустой, как распространенным местом, где «находят детей», и мотивом мести коршуна маленьким детям в детской игре («у коршуна» или «шуляк», «шулик» и т. п.), распространенной и на территории интересующего нас региона — «яны маю капусту паелі» (см.: Славянские древности. Т. 2. С. 615). Добавим, что упоминаемый способ мести коршуна — ослепление детей, заливание им глаз водой — также наводит на размышления в связи с известным ритуальным диалогом участниц кумления в обряде «крещения и похорон кукушки»: «„Крешу дитя.“ — „Какое?“ — „Слепое“».

³⁹ См.: Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. С. 218.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ О том, что Кострома очень близка по сути русалке и легко интерпретируется как «заложный» покойник (акциональный и вербальный коды обряда «похорон Костромы» это подтверждают), писал еще Д. К. Зеленин. См.: Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 266—269.

⁴² Крест — распространенная основа для изготовления ритуального и особенно антропоморфного чучела, поскольку является одним из древнейших символических знаков, обозначающих человека (птицу тоже, правда летящую). — См.: Голан А. Миф и символ. М., 1991. С. 100.

⁴³ Альтшулер М. С. Архив ЦНМ Московской консерватории.

чучел на самом деле здесь разные, поскольку раздвоенная ветка — это, разумеется, не крест, а «рогатка» рожками вниз. Внимание в данном случае привлекает общее для упоминаемых атрибутов «пеленание», как весьма древний и характерный элемент ритуальной подготовки мертвого тела к погребению, тем самым как бы подтверждающий главенствующую роль части «похорон кукушки» в рассматриваемом обряде, а также его родство с «похоронами» воробья, соловушки и др.

Однако данные последнего времени по обрядам «похорон воробья» и «проводов соловушки»⁴⁴ не только говорят о наличии общих элементов, объединяющих эти обряды с «крещением и похоронами кукушки», но и указывают на достаточно серьезные расхождения, не позволяющие считать их родственными. К объединяющим моментам можно отнести:

— сходство пространственно-временных показателей (у «похорон воробья» и «проводов соловушки» фиксированное узколокальное бытование — два-три селения в Лукояновском и Шатковском р-нах Нижегородской обл.; оба обряда проводились на русальной неделе; «проводы соловья» к тому же сдвинуты ближе к Троице);

— напрашивающиеся параллели в принятых формах обрядового атрибута, главным образом «воробья», — от настоящей птицы («искали дохлого воробья, цыпленка, галку и т. п.» или «убьют взаправдашнего воробья и носят») до изображающего «воробушка» человека (обычно на эту роль брали ребенка, мальчика), иногда делали соломенное / сенное чучело (по-видимому, для «соловья» именно эта форма стала сложившейся традиционной);

— точечные совпадения в акциональном коде, обнаруженные при сравнении с конкретным вариантом «похорон кукушки»: в частности, сопоставлялись «похороны воробья» (современная фиксация) и «крещение кукушки» из Орловской губ., описанное В. Харузиной в 1912 г.⁴⁵ (к сожалению, этот вариант нельзя считать типичным), с привлечением данных по Белгородской обл., опубликованных Е. А. Журавлевой в 1994 г.

Все перечисленное, а также то, что рассмотренные обряды, возможно, имели когда-то единые основу и значение, позволяет, по мнению К. Е. Кореповой, предположить, что нижегородские «похороны воробья» и «проводы соловушки» — это «осколки и дальнейшее развитие „похорон кукушки“, это то, что стало с обрядом, оторвавшимся вместе с его носителями от метрополии бытования, перенесенным на новое место и начавшим развиваться в разных очагах по-разному».⁴⁶ Однако наблюдаемые структурные различия, разница в акциональных и вербальных планах, в оформлении основного обрядового атрибута и даже ощутимые расхождения в их целевом назначении ясно показывают, что упомянутые обряды птичьих «похорон» не могут считаться идентичными обряду «крещения и похорон кукушки».

Если бы, как полагал В. Я. Пропп (и как стремился доказать в уже упоминавшейся статье А. В. Смирнов), обряд «крещения и похорон кукушки» был просто «похоронами кукушки», он идеально вписался бы в общий ряд аграрно-производящих похорон (Костромы, троицкой березки и др.), которые «имели цель воздействовать на плодородие земли» и «некогда сводились к погружению в зем-

⁴⁴ Корепова К. Е. Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб., 2009. С. 341—343.

⁴⁵ См.: Там же. С. 341—342; Харузина В. Н. Обряд «крестить кукушку» в Орловской губернии // ЭО. 1912. Кн. 1/2. С. 140—145. Название обряда — «крестить кукушку», но речь идет о ритуальных «похоронах» («Говорили „крестить кукушку“ (...) но крестин никаких не было, а были похороны. Однако никто не говорил „хоронить кукушку“» (с. 140)); это пример того, как обряд трансформировался, а название сохранялось прежним и не отражало произошедших изменений.

⁴⁶ Корепова К. Е. Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. С. 342, 343. Там же автор делает и альтернативное предположение, что «кукушка, воробей, соловушка были персонажи разных обрядов, имеющих разный смысл и происхождение, связанных как с аграрной магией, так и с древними семейно-родовыми институтами», и обряд «похорон кукушки» в свете появления новых материалов (имеются в виду данные Е. А. Журавлевой и нижегородские) нуждается в дальнейшем изучении.

лю хлебного злака».⁴⁷ Но смысловое содержание рассматриваемого атрибута, его предназначение в обряде выводят на первый план вовсе не символ продуцирующей силы и не прогностическую функцию птицы кукушки, а другое. Более важными оказываются верования, которые говорят или о ее медиативной функции (кукушка — посредник между мирами, медиатор), или о воплощенной в этой птице душе умершего. Причем, согласно таким верованиям (если не ограничиваться ареалом бытования рассматриваемого обряда), в кукушке воплощается не только душа ненормированного, неблагополучного, «заложного» (пользуясь терминологией Д. К. Зеленина) покойника, но и душа вполне благополучного покойника-предка, к тому же без ограничений по полу и возрасту. В этом случае привычное представление, что под кукушкой подразумевается главным образом «заложный» (и в качестве наиболее яркого представителя такового — русалка), требует корректировки.

II. Большинство указанных дат — в первую очередь Семик, Троица, Вознесение и Духов день — приходится на пик активности как птицы кукушки, так и русалок, в известном смысле с ней связываемых. Все это нашло отражение в принятых названиях Троицкой недели — «русальная», «зеленые святки», «задушные», и в том числе «кукушки». Кроме того, время проведения обряда, за малым исключением, находится в рамках древнего поминального периода и связанных с ним особых женских ритуалов, развернутых по большей части на умиротворение неблагополучных и потому агрессивных душ умерших. Если рассматривать обряд «крещения и похорон кукушки» как аграрно-продуцирующий и при этом как определенный этап переходного, надо признать, что многое говорит о его направленности на нейтрализацию сил «иног» мира, негативно влияющих на плодородие.

Самым ранним предположением того, что именно в этом состоит цель обряда, по-видимому, следует считать описание А. М. Глаголева (1821 г.),⁴⁸ за ним подобной трактовки в той или иной мере придерживались аноним из «Руководства для сельских пастырей» (подписавшийся инициалами К. М.), М. Забылин, В. М. Кашаров, Н. М. Гальковский⁴⁹ и некоторые другие. Однако первую обоснованную в этом ключе интерпретацию обряда дал А. Н. Афанасьев (1861 г.).⁵⁰

Известный фрагмент из «Поэтических воззрений славян на природу», в котором оформилась и получила обоснование гипотеза о функциональной развернутости обряда на нейтрализацию русалок (и в частности, попадающей в их разряд группы неблагополучных младенческих душ),⁵¹ положил начало научным интерпретациям обряда. «Обряд крещения кукушек, — писал А. Н. Афанасьев, — получит для нас более осязательное значение, если мы сблизим его с поверьями о русалках и мавках, в образе которых (по народному поверью) являются души младенцев мертворожденных или умерших без крещения».⁵² «Если неокрещенные души, — писал он далее, — летая по воздуху, спрашивают себе крещения; если

⁴⁷ Протт В. Я. Русские аграрные праздники. С. 104, 97—99.

⁴⁸ «Сей хороводный праздник (...) гораздо справедливее было бы назвать крещением не кукушек, а русалок [т. к. русалки — души детей, умерших без крещения и, следовательно, требующих быть окрещенными]» (Глаголев А. М. О характере русских застольных песен. С. 72; в квадратных скобках — пояснение Р. Е. Кедринной, см.: Кедрин Р. Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством. С. 109).

⁴⁹ [К. М.] Суевверный обряд «крещения кукушек» // Руководство для сельских пастырей. 1872. Т. 3, № 37 (10 сент.). С. 73—78; Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. С. 65; Кашаров В. М. Очерк истории церкви в пределах Калужской епархии // Калужская старина, 1903. Т. III. С. 28—30; Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, 1913, 1916. Т. 1, 2 (Репринт. изд.: М., 2000). С. 62—63.

⁵⁰ Афанасьев А. Н. Заметки о загробной жизни по славянским преданиям // Афанасьев А. Н. Происхождение мифа. М., 1996. С. 289—305. Впервые статья опубликована в АИЮС. М., 1861. Кн. 3, отд. 6. С. 3—26. В комментарии указывается, что она была написана для «Вестника РГО» 16 ноября 1852 г., то есть почти десятью годами ранее выхода в свет «Поэтических воззрений...». Материалы статьи были подкорректированы и использованы при написании XXIV главы («Души усопших») знаменитого труда.

⁵¹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. С. 225—229.

⁵² Там же. С. 228.

самое появление их совпадает со временем совершения обряда, известного под именем „крещение кукушек“; если, наконец, душа олицетворялась в образе птицы и кукушка принималась эмблемой сиротства, то, кажется, позволительно будет догадка, что под „крещением кукушек“ должно понимать символический обряд крещения младенцев, умерших без этого таинства и потому осужденных блуждать по свету. Дети народному уму представляются чистыми, невинными, безгрешными; но, умирая без крещения, они не могут войти в царство блаженных. Сострадая их безотрадной судьбе, простолудин создал обряд посмертного крещения, чтобы таким образом открыть душам младенцев верный путь в небесные обители...»⁵³

Русалками, как известно, в первую очередь становятся молодые девушки и юноши, достигшие брачного возраста, но умершие до вступления в брак, то есть не реализовавшие свое предназначение. Кроме того, русалками также становятся: утопленники вне зависимости от пола и возраста; все родившиеся и умершие на русальной неделе; уведенные или замученные (зашекоченные) русалками; так называемые русалочьи обмены и т. д., но особо выделяется группа детских душ — младенцев, умерших некрещеными: «мавки» / «навки» (укр.), «некрещенци», или «нави» (серб.), «навки» (карпат.), «niechrzczeńce» (пол.), «навяци» (болг.) и т. д.; аналоги существуют у всех славян.⁵⁴ Когда-то словом «навь» славяне пользовались для обозначения мертвых вообще, но уже в письменных источниках XI—XIII вв. этим словом обозначают именно души «заложных» покойников, в народном сознании фактически слившихся с демоническими существами: «Навь — это птицеобразные души умерших (но не предков), летающие по ночам, в бурю и дождь, „на злых ветрах“ и кричащие, как голодные ястребы. Крик или пение этих птиц означает смерть. Нави (навяци) нападают на беременных женщин и детей, сосут их кровь, пьют молоко скотины. Их описывают в виде огромных голых птиц...».⁵⁵

Оговоримся сразу: для восточнославянской традиции упоминание о птичьей облике русалок — явление редкое. В отличие от южнославянских вил и самодив у русалок интересующего нас региона крыльев нет, а птичьи следы от русалочьих ног⁵⁶ больше свидетельствуют об их принадлежности к «иному» миру. В тех же случаях, когда говорится о том, что русалка принимает птичий облик (как один из многих возможных), речь скорее идет о ее невидимости: «Русалки — птицы здоровые, их никто не бачыць...».⁵⁷ Однако, кроме способности принимать птичий облик (возможно, даже в большей степени соответствующий внешним данным птицы кукушки, чем в приведенном примере К. Мошиньского),⁵⁸ у русал-

⁵³ Там же. С. 229. В целом в приведенных фрагментах текста очевидны наслоения языческих и христианских представлений о душах умерших детей: с одной стороны, детские души — ангельские, безгрешные, с другой — это сущности «иноного» мира, и как его представители они опасны для живых, пока не будут очищены и адаптированы и не обретут (прежде всего через крещение) статуса «своего». Души младенцев, умерших в состоянии непризнанности, как бы «застраившие» между мирами, становились демоническими существами — навьями, пополняя наиболее агрессивную группу русалок.

⁵⁴ Зеленин Д. К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре. 1901—1913. М., 1994. С. 232, 233. Согласно народным верованиям, кроме душ детей, умерших некрещеными, в эту группу попадают души мертворожденных, выкидышей и т. п.

⁵⁵ Moszyński K. Kultura ludowa Słowian. T. 2: Kultura duchowa. Warszawa, 1967. S. 682. О навьи, как о понятии неестественной, насильственной, мучительной смерти, противопоставляемой смерти естественной, «своей», хорошей, писал В. Н. Топоров (Топоров В. Н. Предистория (так!) литературы у славян: Опыт реконструкции. М., 1998. С. 166).

⁵⁶ Даль В. И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1994. С. 58.

⁵⁷ Виноградова Л. Н. Мифологический аспект полесской «русальной» традиции. С. 105 (ПА, Жаховичи); о том же см.: Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 176, 178. Видимыми человеку русалки становятся как раз на русальной неделе (там же. С. 178—179, Калуж. губ.), но видят их, как правило, в облике антропоморфного.

⁵⁸ Так, например, серой птицей, испускающей страшные крики, носится в воздухе «душа человека, умершего насильственной смертью» (Зеленин Д. К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре. С. 245, 246). По чувашскому поверью «души младенцев обращаются в птиц, чаще в кукушек» (Комиссаров Г. Чуваши Казанского Поволжья // ИОАИЭ. Казань, 1911. Т. 27. С. 376; цит. по: Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 303); поляки считали, что «душа некрещеного младенца летает после его смерти черной птицей» (Wierzbowski Z. Materjały etnograficzne z powiatu Tarnobrzkiego i Niskiego w Galicji // ZWAK. Kraków, 1890. Т. 14. С. 200) и т. д.

ки просматривается набор общих с кукушкой черт, и некоторые присущие обеим характеристики позволяют говорить о наличии между ними взаимосвязей. Так, например:

— за кукушкой прочно закреплен статус птицы-оборотня, в формировании которого немалая роль принадлежит древним представлениям о птице как воплощении души; фольклорные тексты — в первую очередь тексты похоронных и свадебных плачей, необрядовых плачей, духовных стихов, а также легенд и преданий — дают яркое тому подтверждение; так что, будучи связываемой в народных представлениях с душами умерших, и прежде всего с душами беспокойными, ищущими контакта с живыми, кукушка вполне может рассматриваться как одна из возможных ипостасей русалки⁵⁹ (однако же, подчеркнем еще раз, непосредственно представления о русалках, принимающих облик кукушки, не зафиксированы);⁶⁰

— кукушку считают «ключницей»: у нее ключи от «вырея» (рая), она отпирает и запирает «врата» между мирами живых и мертвых; так же как многие другие птицы, она приносит по весне в мир живых души тех, кто должен родиться в наступившем году, а осенью, улетая, забирает в мир мертвых души умерших — кукушка относится к «приносящим и уносящим души» (возможно, что именно эта функция «контроля» над душами связывает ее с русалками и дает восприятие ее кукования как регламентирующего время их активности);⁶¹

— время активности кукушки и русалок если не полностью совпадает, то коррелирует, как, впрочем, и время их латентного существования, не говоря уже о единых местах и способах зимования;⁶²

— крик кукушки считается звуковым сигналом, маркирующим контакт с иным миром, или даже призывом к таковому; крик русалок имеет аналогичное значение, и по звучанию он может быть идентичен крику кукушки (имеется в виду как крик «ку-ку», так и крик «кума»);⁶³

⁵⁹ Сказанное в полной мере соответствует концепции Д. К. Зеленина в «Очерках русской мифологии», согласно которой кукушка расценивается как символ русалки; но во всей его работе, посвященной русалкам, нет фактических примеров того, чтобы русалка принимала кукушечий облик.

⁶⁰ Как исключение воспринимается сообщение Л. А. Журавлевой, что в некоторых селах Брянской обл. зафиксированы поверья о том, что кукушка превращается в русалку (*Журавлева Л. А.* Структура русского обряда с «кукушкой». С. 200; зап. конца 90-х гг.; цит. по: *Славянские древности*. Т. 2. С. 673).

⁶¹ Представления о кукушке-ключнице и кукушке, приносящей и уносящей души, связаны как с сельскохозяйственным активным циклом (тексты весенних и, в частности, благовещенских поверий и примет, закличек и т. д.), так и с жизненным циклом человека (тексты плачей, примет на смерть, духовных стихов и т. д.). Некогда являвшие собой единую систему, если судить хотя бы по общеславянским материалам, они утратили цельность, но даже сохранившиеся разрозненные фрагменты уже не всегда позволяют видеть эту взаимосвязь. См.: *Мифы народов мира*. М., 1987. Т. 1. С. 254; *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. С. 137; Т. 3. С. 254; *Добровольский В. Н.* Звукоподражания в народном языке и в народной поэзии. С. 89; *Виноградова Л. Н.* Откуда дети берутся? Полесские формулы о происхождении детей // СБФ. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995. С. 174.

⁶² Что касается общих мест и способов зимования, то здесь русалок с кукушкой объединяет их принадлежность «иному» миру, чья локализация неясна, но это и не имеет большого значения. Считается, что русалки приходят из воды, из земли (= «с могилки»), «с воздуху», «из лесу» (= «с деревьев») и т. д., — одним словом, «с тоги света»; и уходят они в воду, в землю, лезут на деревья и т. д. — «на тот свет» (*Виноградова Л. Н.* Мифологический аспект полесской «русальной» традиции. С. 206, 100). То же можно сказать и о кукушке. Она, как и многие другие птицы, отправляется зимовать в «вырей» и даже является его ключницей. Но есть и более конкретные представления о том, где и как зимует кукушка. Так, в ряде мест считается, что она куда-то не улетает, а прячется в землю и там пережидает зиму (зап. укр.); есть поверье, что кукушка зимует под водой (кашуб.), а согласно некоторым уточнениям, она делает это, совсем как ласточки: спит всю зиму на дне водоема, зарывшись в ил (бел., пол.), или прячется в колодец (укр.). (Данные О. Кольберга, Б. Густавича, Б. Шихты, С. Килимника приводятся по: *Никитина А. В.* Образ кукушки в славянском фольклоре. С. 73.) По записям XVII в., «кукушка (с наступлением зимы) оскребет с себя перье, влезет в яму или в дуплину и пребывает зимою...» (РГБ. № 635. Л. 14 об. Сборник смешанного содержания собрания В. М. Ундольского; цит. по: *Белова О. В.* Славянский bestiарий: Словарь названий и символики. М., 2000. С. 282).

⁶³ На то, что крик русалки напоминает крик кукушки, указывал еще Д. К. Зеленин: «...крик русалок кукушечий: ку-ку!» (*Зеленин Д. К.* Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 284, 163); но они кричат и по-другому, например: «Кума! Кума!» (С. 162; Смолен. губ.), и мяукают, как кошки, — людей пугают (С. 164; Харьков. губ.), и смеются призывно, и поют песни, «оглашая окрестность чуд-

— цветовой код кукушки (серая, рябая)⁶⁴ также указывает на ее соотнесенность с «миром иным» и на ее агрессивность, которую в качестве характерной функциональной особенности подтверждают выводы по материалам предсказаний и примет, связанных с кукушкой.

Но вернемся к предложенной А. Н. Афанасьевым трактовке обряда «крещения и похорон кукушки». В определенном смысле ее поддержал Д. К. Зеленин,⁶⁵ хотя и развернул толкование «крещения кукушки» полностью на кумовство с русалками: «Истолковывая его (кумовство. — А. Н.) по-новому, его стали называть (сперва, быть может, даже полунасмешливо) крестинами кукушки. (В лесу весною кого же крестить девицам, как не горемычную, одинокую кукушку, оборотня из девиц, которой к тому же скоро предстоит печальная участь „подавиться колоском ячменя“.) Когда же это новое название утвердилось, тогда в объяснение его создан был девицами новый обряд, но почти в каждом селе и уезде особый, отличный, что так естественно: древнего предания об обряде не было».⁶⁶

Взгляды на предназначение обряда у двух его первых серьезных интерпретаторов странным образом сошлись и разошлись: оба естественно объединяли «крещение кукушек» с кумовством, но А. Н. Афанасьев видел в первом основание для второго, а Д. К. Зеленин — наоборот и, более того, считал «крестины кукушки» новым обрядом, созданным чтобы оправдать новое название троичного кумовства «в лесу у берез с завитыми венками» (см. цитату выше). А. Н. Афанасьев подразумевал под кумлением символический акт, в сущности аналогичный происходящему при таинстве крещения, но в большей степени нацеленный на имянаречение как важный адаптивный элемент для переходного состояния — «обряд посмертного крещения» душ «умерших без этого таинства» младенцев. Д. К. Зеленин же видел в обряде кумовства акт временного установления договорных отношений (союз посестримства) с русалками, причем кукушка принимается в качестве участницы кумовства, но «при (...) условии, что кукушка является здесь простым символом русалки — «одинокой и несчастной русалкой-девицей».⁶⁷ Целевое же назначение обряда «крещения кукушки» он определял следующим образом: «Кумовство (...) заключается с такими целями: а) узнать от русалки (по венку, на коем русалка будет качаться) свою будущую судьбу; б) предоставить русалке развлечения, связанные с кумовством купальским эротическим, и вообще — задобрить и успокоить русалку, чтобы она не мстила в будущем, а, напротив, помогала».⁶⁸

Время сложения обряда каждый исследователь также определял в соответствии с занимаемой им позицией: А. Н. Афанасьев считал, что «обряд этот мог возникнуть уже в эпоху христианства, но под сильным влиянием старинных воззрений»,⁶⁹ а Д. К. Зеленин полагал, что «обряд крещения кукушек необходимо признать сравнительно весьма новым по времени своего появления», и основание к такому заключению он видел не только в христианском происхождении понятия «крещение» («коему в дохристианском язычестве не было места»), но в малом распространении самого обряда и при этом в обилии вариантов — «на этом малом

ными, очаровательными звуками. Звуки эти имеют большую силу: услышавший их непременно подойдет к ним...» (Там же, со ссылкой на: *Чубинский П. П.* Западно-русский край. Т. 1. С. 207). Последнее замечание является важным, поскольку крикам и смеху русалок, как звукам, издаваемым большинством существ иного мира, приписывается свойство приманивания живых (= вызов на контакт), перед силой которого трудно устоять. Аналогичным свойством обладает и кукование: голос кукушки считается пробивающим границы миров, организующим пространственно-временную зону контакта.

⁶⁴ О цветовом коде кукушки в славянском фольклоре и, в частности, о серой и рябой кукушке см.: *Никитина А. В.* Образ кукушки в славянском фольклоре. С. 136—138.

⁶⁵ *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916.

⁶⁶ *Зеленин Д. К.* Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 281—282.

⁶⁷ Там же. С. 284, 285.

⁶⁸ Там же. С. 285.

⁶⁹ *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. С. 229.

пространстве природа обряда весьма разнообразна»; «в разных селениях, например, Калужской губ., обряд (...) совершается с различными подробностями». ⁷⁰

«Крещение кукушки» в видешемся А. Н. Афанасьеву варианте оказалось зафиксированным (пусть упрощенно или даже фрагментарно) лишь в описаниях 90-х гг. XX в.: «У нас такой обычай, што харанили. А у некатарых деревнях называлася „крестили кукушку“. Крестьянины были. Ну, делают кукушку и крестьянины ей делают. Как ребёначка крестят. И абед, и гуляют. Если крестят, то не закапывают...» (Людиновский р-н Калуж. обл.); ⁷¹ «При „крещении“ на кукушку вешали крест (несколько крестов), совершали над ней троекратное крестное знамение, выбирали для нее кума и куму — мальчика и девочку, сами кумились с ней, окунали ее в воду, наподобие омовения при христианском крещении. Жители Борисовского р-на Белгородской обл. связывали обрядовое крещение кукушки с церковным ритуалом: они объясняли, что „в лес ходили как бы до церкви“». ⁷²

Фиксаций, подобных приведенной, вообще мало, и описание того, как изготавливали «кукушку» для такого «крещения», должно заслуживать особого внимания. Однако прежде чем обратиться непосредственно к текстам описаний, необходимо иметь в виду следующее:

а) разными исследователями рассматривалось различное членение обряда «крещения и похорон кукушки» — двух-, трех- и даже пятичастное; классическим, традиционным считается двухчастное членение: первая часть — «крещение кукушки», вторая часть — «похороны кукушки»;

б) в истории интерпретирования обряда были случаи, когда одна из частей или признавалась несущественной и потому не рассматривалась, или интерпретировалась, например, как привнесенная, или когда обряд записывался в усеченной форме, то есть наличествовала и, соответственно, рассматривалась одна часть (она же единственная) — случалось, что ее воспринимали и анализировали как весь обряд в целом;

в) к началу XX в. количество фиксаций обряда, где была только одна часть — «крещение кукушки», превалировало; ⁷³

г) в работах, в основном позднего времени (конца XX в.), отмечается частое смешение частей обряда, когда, например, под «крещением кукушки» проводятся «похороны».

Примером последнего (но это публикация 1912 г.) может служить известное описание обряда В. Н. Харузиной, в котором сам обряд носит название «крещение кукушки», однако же в акциональном отношении (да и в вербальном) является «похоронами»: «...говорили „крестить кукушку“ и „пойдемте крестить кукушку“, хотя по существу были только похороны, однако „хоронить кукушку“ никто не говорил». ⁷⁴ Описание, данное В. Н. Харузиной, является в записях того времени

⁷⁰ Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 281.

⁷¹ Альтшулер М. С. ЦНМ Московской консерватории; Журавлева Е. А. Похороны кукушки. С. 33 (Белгород. обл., Борисовский р-н, д. Порубежное).

⁷² Альтшулер М. С. ЦНМ Московской консерватории; Журавлева Е. А. Похороны кукушки. С. 33. Совсем уж условным (игровым?) следует считать ритуал «крещения», описанный А. Ш. Строк в публикации 1999 г.: «(Процессия с кукушкой шла на заранее выбранное место: край леса рядом с ржаным полем и одиноким дубом) (...) девушки начинали крестить „кукушку“. Ее троекратно окропляли водой со словами: „Во имя Отца. Аминь! Во имя Сына. Аминь! Во имя Святого Духа. Аминь!“ Либо крепили „кукушку“ на ветки дуба и разводили костер так, чтобы дым от костра шел на куклу. В этом и заключался обряд крещения...» (Строк А. Ш. «Похороны кукушки» и «кукушечник» в Калужской обл. // ЖС. 1999. № 4. С. 6; Куйбышевский р-н).

⁷³ Подчеркнем еще раз: Р. Е. Кедрина сама считает, что «похороны кукушки» нормой не являлись, так как из 17 рассматриваемых ею записей только в четырех — В. М. Кашкарова, В. Н. Харузиной, Е. Н. Елеонской и А. А. Носовой — есть описание похорон или указание на их существование (Кедрина Р. Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством. С. 110).

⁷⁴ Харузина В. Н. Обряд «крестить кукушку» в Орловской губернии. С. 140; на наш взгляд, необходимо учитывать специфику фиксации: а) это описание проведения обряда в городе (!), с указанием, что в округе г. Болхова он не проводился; б) это запись воспоминаний участницы о событиях почти 30-летней давности (то есть о начале 80-х гг. XIX в.), в воспоминаниях имеет место восприятие обряда как веселого праздника; в) на момент записи информантка, по ее словам, не знала, продолжает ли обряд практиковаться.

едва ли не единственным по исследуемому обряду примером качественной имитации символическими похоронами сложившегося в данной локальной традиции ритуала похорон: обряженную, как покойница, «кукушку» укладывали с соблюдением принятых правил в гроб⁷⁵ и несли хоронить; процессию возглавляла девушка с крышкой гроба на голове, за ней шла другая, изображавшая священника и заунывно певшая псалмы; далее следовали две девушки, которые несли на плечах палку с привязанным к ней с помощью полотенец гробом, сопровождавшие процессию должны были причитывать. В. Н. Харузина указала также, что в данной традиции именно так было принято подвешивать на полотенцах гроб с телом умершего ребенка и нести к месту погребения,⁷⁶ но конкретной информации, подтверждающей, что под «кукушкой» подразумевался ребенок, в ее материале нет. Непродуктивны в этом отношении и уже упоминавшиеся ранее записи позднего времени, в которых от «крещения кукушки» создается впечатление имитации крещения церковного, — в них также практически отсутствует информация по изготовлению и обряжению «кукушки» — ребенка.

В большинстве описаний полной версии обряда «крещения и похорон кукушки» рассматриваемый обрядовый атрибут обладает несомненными антропоморфными, причем, как правило, девичьими / женскими чертами: «Кукушка — здоровая девка...» (Брян. обл.), «...кукушка-вдова» (Калуж. губ.), «...одевали как девочку» (Калуж. обл.), «покойница» (Воронеж. обл.), «...уберем яе как невесту» (Белгород. обл.)⁷⁷ и т. д. Даже там, где использовалась настоящая птица или ее чучело, птичий облик «кукушке» обычно не оставляли — уподобляя человеку, ее облачали в специально приготовленную девичью / женскую одежду: «...раньше крестили настоящую птицу кукушку, но одевали ее всегда в черный платок и белую рубашку, если же надевали сарафан, то темный, так как, по объяснению здешних крестьянок, „кукушка — вдова, потому что ей мужа не достало“»⁷⁸ (Калуж. губ.). Растительная основа «кукушки» ничего в этом плане не меняла: «...делают <...> куклу — „кукушку“, <...> надевают на нее маленькую рубашку, сарафан и платок, заранее приготовленные; иногда еще ubирают эту куклу разноцветными лоскутками и лентами...»⁷⁹

Маленькая (когда ее делали, к примеру, из носового платка) или большая («здоровая девка из тряпок...») — размеры антропоморфной куклы-«кукушки» бывали разными, но практически всегда ей традиционно придавались женские черты.

⁷⁵ В. Н. Харузина подробно описывает гроб (размеры, окраску, внутреннее убранство) и то, как обустраивали в нем «кукушку» — как настоящему покойнику, ей «освобождали руки, чтобы скрестить их на груди», но не клали в гроб камень, который непременно было принято класть умершему, — см.: Харузина В. Н. Обряд «крестить кукушку»... С. 141—142.

⁷⁶ Там же. Судя по всему, указанный способ несения покойника к месту погребения был достаточно распространен; во всяком случае среди русского старообрядческого населения Литвы о нем помнят: «...раньше не на лошадях до кладбища, а тоже на жердях. 10—15 км на себе <...> Жерди длинные, метра три. С одной стороны идут, несут два человека; и сменяются <...> Весь гроб веревкой (полотенцами = рушниками, 20 метров) снизу — и несешь; легко несть» (Фольклор старообрядцев Литвы / Изд. подгот. Ю. Новиков. Вильнюс, 2009. Т. 2: Народная мифология. Поверья. Бытовая магия. С. 198).

⁷⁷ В ранних записях обряда брачные мотивы отсутствуют. В записях поздних, например у Е. А. Журавлевой (Похороны кукушки. С. 32), можно найти свидетельство того, что в Белгородской обл. во главе движущейся по деревне процессии с кукушкой (!) шли взявшись за руки соответствующим образом одетые маленьки мальчик и девочка — жених и невеста. Там же есть упоминание, что брачную пару могли составлять две куклы, обряженные в свадебные наряды, одна из которых (*кукушка*) изображала невесту, а другая (*кукун*) — жениха. Последнее зафиксировано не только в записях 90-х гг. XX в., но и в более ранних, упомянутых в работе В. А. Смирнова (см.: Смирнов В. А. Обряд «крещения» и «похорон» кукушки и купальская обрядовая поэзия восточных славян. С. 63) и относящихся к другой области: «Летом 1975 г. мы записали обряд „крещения кукушки“ в Жиздринском р-не Калужской обл. в дер. Орля, Песочня, Яровщина, Авдеевка. Девушки собирались у одной из подруг и делали из носовых платков куколки „кокуна“ и „кукушки“. С песнями шли к березовой роще и там устраивали „брачный“ пир, т. е. женили „кукушку“ и „кокуна“. Обряд этот близок вариантам, записанным Н. Тихановым, а позднее Т. П. Лукьяновой» (Архив кафедры фольклора МГУ. Фольклорная практика. П. 7. Т. 9, 10. С. 4—17).

⁷⁸ Кедрина Р. Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством. С. 102.

⁷⁹ Там же.

В предложенной Т. А. Бернштам концепции особого статуса обряда «крещения и похорон кукушки» в ритуальном оформлении половозрастных союзов девушек / молодых одним из ключевых положений стало доказательство того, что под «кукушкой» следует понимать просватанную девушку или девушку-невесту. Наиболее весомым аргументом в пользу такого заключения был, по мнению исследовательницы, наряд, в который обряжали «кукушку» (с учетом его базовых элементов, специфических деталей и цветового кода): «(„Кукушка“) (...) кукла, которая облачалась в специально и заранее сшитый костюм. *Большинство записей и три опубликованных рисунка* представляют одежду кукушки как девичий наряд: сарафан, рубаха, платок. В Болховском у. кукушке шили наряд, „какой носят в этой местности“, *тоже явно девичий*, поскольку рубашка отделялась кружевами и лентами; наряд кукушек из МАЭ представляет собой род венчального бело-розового платья, что подтверждается фатой на голове...» (курсив мой. — А. Н.).⁸⁰

С приведенной аргументацией согласиться трудно. Прежде всего неверно, что большинство записей и три опубликованных рисунка представляют одежду «кукушки» как девичью. Записей, в которых говорится, что атрибут наряжали именно в девичий наряд, в действительности очень мало. На момент выхода статьи Т. А. Бернштам к таким могут быть причислены: а) запись В. А. Смирнова о брачной паре — «кукуне» и «кукушке», изготавливаемых из носовых платков (Калуж. обл., 1975 г.); б) единичное свидетельство 76-летней информантки из г. Жидры, зафиксированное Е. Н. Елеонской, о «кукушке» из «рябенькой травы», наряжаемой девочкой (Калуж. губ., 1911 г.); в) запись о «здоровой девке из тряпок» из архива ИЭ (по Брян. обл., бывшей Орлов. губ.). Фактически это все. Даже если остались неучтенные записи, вкуче с упомянутыми они никак не могут составить заявленное большинство.⁸¹ Сделать на основании этих записей общий вывод для обряда в целом нельзя, поскольку содержащаяся в них информация касается двух губерний / областей, причем точно; во временном отношении можно сказать то же, поскольку записи относятся к началу и к последней трети (до 1981 г.) XX в.

Под тремя упомянутыми рисунками, по-видимому, следует понимать три самых первых опубликованных изображения «кукушки» — это три иллюстрации Р. Е. Кедриной (один снимок и два рисунка 1909 г.) или, как вариант, два кедринских рисунка и снимок, сделанный Е. Н. Елеонской (1910 г.). Что касается последнего, то на нем (см.: *Приложение, илл. 5*) вполне различим указанный комплект одежды — пестрый сарафан, белая рубашка и белый платок, но вряд ли правомерно трактовать его как однозначно девичий. Это относится и к изображению «кукушки» на одном из рисунков Р. Е. Кедриной (*Приложение, илл. 2*), где «кукушка» — растение «кукушкины слезки» — наряжена в белую рубашку, однотонный сарафан и белый платок. Изображение наряженной птицы на втором рисунке (*Приложение, илл. 1*) соответствует данному в тексте статьи описанию характерного обряжения «кукушки» как вдовы,⁸² а не девушки или невесты; Р. Е. Кедрина высказывается

⁸⁰ Бернштам Т. А. Обряд «крещение и похороны кукушки». С. 185.

⁸¹ К неучтенным гипотетически могли бы быть отнесены архивные записи ВГО и ГМЭ (Калуж., Кур., Орлов. губ.), а также записи упомянутых В. А. Смирновым Н. Тиханова (1904 г., Брян. губ.) и Т. П. Лукьяновой (1972 г., Брян. обл.). Материалов Е. А. Журавлевой или Н. Русановой по Белгородской обл., в которых: а) мальчик и девочка, наряженные, как жених и невеста, и идущие по деревне во главе процессии с «кукушкой»; б) для обряжения «кукушки» снимали одежду с девочки; в) «кукушку» наряжали, «как невесту», и т. д., на момент публикации статьи Т. А. Бернштам не существовало.

⁸² За исключением цвета платка, наряд на рисунке Р. Е. Кедриной, где изображена «кукушка» растительного происхождения («кукушкины слезки»), вполне соответствует упомянутому замечанию, что «кукушку» одевали в белую рубашку и темный сарафан и повязывали платком, черным, «потому что кукушка — вдова» (Кедрина Р. Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством. С. 102). Комплекс одежды, комментируемый Р. Е. Кедриной, идентичен называемому Т. А. Бернштам, но объясняется с противоположным значением. Упомянутый наряд «кукушки» из коллекции МАЭ, Т. А. Бернштам повторяет описание, данное Н. П. Гринковой: «кукушка» наряжена «в тряпочки, производящие костюм покойницы», и это костюм «крестьянский»; но она опускает указание Н. П. Гринковой на то, что это женский, а не девичий или какой-либо другой костюм (Бернштам Т. А. Обряд «крещение и похороны кукушки». С. 180). Стоит отметить также, что в статье Н. П. Гринковой неоднократно говорится об обряжении чучел (русалки, Костромы и кукушки в том

на этот счет достаточно ясно. И лишь снимок, на котором растительная «кукушка» одета, как сообщает подпись, в красные сарафан и платок (*Приложение, илл. 4*), вполне отвечает выдвинутому Т. А. Бернштам положению, однако это только одно изображение из трех, привлекаемых в качестве аргумента. Но даже на основании всех трех (или четырех, включая снимок Е. Н. Елеонской) изображений вместе взятых дать общее заключение по обрядовому атрибуту нельзя, потому что все они сделаны в начале XX в. и относятся только к Калужской губ.

Спорной представляется трактовка самого набора одежды — сарафана, рубахи и платка — как безоговорочно девичьего. Это сложившийся набор, и он типичен при обряде большинства антропоморфных чучел женского пола — Масленицы, Купалы, русалки, троицкой березки и др.; его можно считать обобщенным женским нарядом, маркером пола, чему есть немало примеров: «...девки и бабы <...> делают из соломы куклу с руками, надевают на нее бабью рубашку и сарафан, на голову навязывают платок...» (о Масленице — П. В. Шейн, Калуж. губ.), ср.: «парни и девушки делают из соломы чучело, одевают его в женский наряд... <...> Это и есть „сударыня Масленица“» (С. В. Максимов — Орлов. губ.); «старухи <...> берут ржаной сноп, приделывают руки, обряжают по-бабьи, кладут на носилки...» (о Костроме — М. Е. Соколов, Саратов. губ.); «надевают на куклу <...> женскую белую рубаху с вышивкой, какую носят обычно верейские женщины; поверх рубахи надевают юбку, на голову повязывают платок...» (о русалке — Н. П. Гринкова, Воронеж. губ.); «соломенное чучело в виде женщины <...> наряжается в сарафан, повязывается косынкой...» (о Костроме — Н. П. Гринкова, Владимир. губ.); «...внутри гробика — изображение птицы — кукушки, наряженное в тряпочки, воспроизводящие костюм покойницы; уместно вспомнить и обряд из Калужской губ., описанный Р. Е. Кедриной, там хоронят травы, наряженные в женский костюм...» (о кукушке — Н. П. Гринкова) и т. д.

Поскольку при всей обобщенности указанный набор одежды позиционируется как обрядовый («специально и заранее сшитый»), в нем не может не быть соответствий базовым элементам обрядовой одежды данной локальной традиции, тем более что имеется в виду конкретный наряд просватанной девушки / невесты. И если таковые соответствия найдутся, их должно принимать в расчет с учетом времени изготовления наряда, так как обрядовая одежда одного региона, но разного времени — начала XX в., 40-х его годов и начала века двадцать первого — неизбежно будет демонстрировать различия.

Даже при поверхностном рассмотрении названных элементов набора одежды «кукушки» однозначность трактовки его как девичьего или как наряда невесты вызывает сомнения. Так, например, наличие сарафана (в одних описаниях он есть, в других — нет) в равной степени может маркировать статус «кукушки» и как просватанной девицы (или вошедшей в брачный возраст), и как замужней женщины.⁸³ В сущности, отсутствие сарафана должно автоматически относить «кукушку» к младшей (=детской) возрастной группе. Однако здесь возможна также корреляция с одеждой женщин старшего возраста, потому что в ареале бытования «крещения и похорон кукушки» уместно говорить о периоде отсутствия сарафана в комплексе женской обрядовой одежды — его «замещала» рубаха. Такая рубаха — цельнокроеная (из четырех полотнищ — по два спереди и сзади), с прямыми поликами — бытовала, согласно имеющимся данным, в северных и центральных губерниях России, конкретно «в некоторых уездах Калужской, Курской, Воронежской, Орловской, Рязанской и Тульской губ.»⁸⁴ Показательным в этой связи оказывается

числе) именно в женский костюм, традиционный для данной местности (*Гринкова Н. П.* Обряд «вождения русалки» в селе Б. Верейка Воронежской обл. // СЭ. М., 1947. № 1. С. 178, 180, 181).

⁸³ Наличие сарафана в обрядовом костюме вполне может свидетельствовать о социовозрастной принадлежности атрибута к старшей женской группе, поскольку «с середины XIX в. сарафан стал только одеждой крестьянской. С 20-х гг. XX в. он сохранялся как одежда женщин старшей возрастной группы, а в 50—60-е гг. как погребальная одежда» (Русский традиционный костюм: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 1998. С. 283).

⁸⁴ Русский традиционный костюм. С. 267.

уже упоминавшийся кедринский рисунок обряженной птицы кукушки (*Приложение, илл. 1*), где нет сарафана, а атрибут наряжен в белую туникообразную, широкополую, с долгим заузненным к запястью рукавом рубаху (шушку?⁸⁵ сушун?⁸⁶).

В целом справедливо считать отделанную кружевом и лентами рубашку элементом девичьего костюма, но неубедительно определять только на этом основании весь обрядовый костюм как несомненно девичий. Тем более что калужский описательный материал по атрибуту, насколько можно судить, такой информации не дает. И во вводимом самой Т. А. Бернштам орловском материале отделанная лентами и кружевом рубашка не зафиксирована; и только в записи В. Н. Харузиной есть упоминание, что рубашечку «кукушки» «по вороту и краям обшивают кружевцем».⁸⁷ Согласно традиционным представлениям о погребальном женском наряде этого региона, «смертную одежду» (и в частности, рубашку) просватанной девушки, невесты или молодницы должны отличать не столько кружева и ленты, сколько большая знаковая и цветовая нагруженность, а архаичный тип — еще и специфический крой. Чисто белая, лишённая указанных маркировок рубаха соответствует скорее старшей возрастной группе. По рассматриваемому обрядовому материалу в целом очевидно, что белая рубаха встречается гораздо чаще, чем, например, *саван*. В качестве «смертной одежды» «кукушки» саван вообще упоминается редко, но ему есть аналоги — единичные упоминания «пелен», в которые «пеленали» «кукушку», как это было принято при подготовке мертвого тела к погребению (встречаются также замечания, что, как и положено в отношении погребальных пелен, их не резали и не шили, но рвали руками, подворачивали, загибали, закрепляя форму намотанной поверх ниткой).

В связи со значением, которое придавалось так называемой фате, вызывает недоумение пренебрежение харузинской информацией об использовании для обряжения «кукушки» *савана* почти в классической форме — кусок ткани, в который заворачивали тело, с обязательной частью для закрывания, правда, только головы, а не лица (о *куколе* как таковом речи нет): «„Кукушку“ одевали в саван. Саван надевали на „голову“, т. е. на верхушку ствола *зари* (растения, из которого в Орловской губ. делали „кукушку“. — А. Н.), окутывали им „кукушку“...»⁸⁸ Разумеется, ничто не мешает рассматривать «фату» орловских «кукушек»⁸⁹ в качестве головного убора невест (существуют же, но опять-таки поздние, прямые свидетельства того, что на «кукушку», как на невесту, надевалась фата: «Куклу нарядим, фату на яе наденем, уберем яе как невесту...» (с. Порубежное Борисовского р-на, Белгород. обл.)).⁹⁰ Однако в свете информации о саване, на наш взгляд, было бы справедливо рассматривать эти головные уборы в качестве погребального покрывала, тем более что речь в обоих случаях идет о «кукушках», приготовленных к погребению.⁹¹

⁸⁵ Шушкой называлась в XIX в. распространенная на территории Рязанской губ. и очень похожая на описываемую туникообразная одежда с рукавом, белого цвета, которую носили девушки и старухи; она считалась одеждой для траура, и, что интересно в рассматриваемом контексте, именно в шушке было принято хоронить девушек и старух (Русский традиционный костюм. С. 378).

⁸⁶ Сушун (= шушпан) во многом соответствует изображенной на рисунке Р. Е. Кедриной «рубаху», особенно в том варианте, в каком он был принят на территории Тверской губ. и в Восточной Латвии (эти локальные традиции представляют интерес в нашем случае), где использовался также в качестве обрядовой погребальной одежды (Русский традиционный костюм. С. 315).

⁸⁷ Харузина В. Н. Обряд «крестить кукушку» в Орловской губернии. С. 141.

⁸⁸ Там же. Подчеркнем, что это конкретная информация по г. Болхову Орловской губ., только почти столетней давности, — прямой исторический прецедент тому материалу, на котором выстраивает концепцию Т. А. Бернштам.

⁸⁹ Бернштам Т. А. Обряд «крещение и похороны кукушки». С. 180; при вводе материала Т. А. Бернштам довольно осторожно говорит о головном уборе «типа фаты, из кусочков тюля», но далее пользуется только словом «фата».

⁹⁰ Журавлева Е. А. Похороны кукушки. С. 32.

⁹¹ «Фата», вошедшая в русский обиход приблизительно с XVI в., означает то же покрывало, и с позиций единства брака / смерти как обрядов переходных разницы между погребальным покрывалом и брачным нет. Тем более что просватанных и умерших до свадьбы невест было принято хоронить в свадебной одежде; но в отношении «кукушки» все это можно считать оправданным только в случае, если рассматривать обряд «крещения и похорон» исключительно как проводной, в ряду символических похорон.

Что касается платка, который повязывали «кукушке», — хоть это и позднее приобретение, но в описаниях обрядового атрибута он указывается почти постоянно, равно как и в иллюстративном материале, — «кукушек» в платочках представлено большинство. На снимках, как правило, демонстрируется платок белый; но, как указывала в тексте Р. Е. Кедрина (и как демонстрирует один из ее рисунков), обычным в Калужской губ. был платок черный: «одевали ее (кукушку) *всегда в черный платок* и белую рубашку, если же надевали сарафан, то темный, так как (...) „кукушка“ — вдова» (курсив мой. — А. Н.).⁹² Но даже белый, сложенный косынкой, с концами, завязанными под подбородком, платок плохо ассоциируется с обрядовыми формами девичьих головных уборов,⁹³ еще того менее — с традиционными головными уборами просватанных или невест. Логичнее и в большей степени обоснованно считать, что он указывает на статус женщины замужней, причем не молодежи, а в возрасте. Добавим, что именно платок (и, как правило, белый) повсеместно и на протяжении долгого времени был, а кое-где продолжает оставаться общепринятым для женского погребального наряда головным убором.

Думается, «бело-розовый» наряд «кукушек» из фондов МАЭ⁹⁴ допустимо иметь в виду как некий локальный феномен, в определенном смысле иллюстрирующий происходившие с обрядом трансформации. Но нельзя видеть в розовых «платках с пелериной», даже если трактовать розовый как выцветший красный, образец обрядового наряда «кукушек» и делать обобщения о характере рассматриваемого атрибута в целом (особенно предполагая и за обрядом, и за атрибутом древнюю основу). Напомним, что экспонатов всего два, они в самом деле редкие — аналогов нет, авторство одно и единовременное (1914 г.), оба изображения из г. Болхова Орловской губ. / обл.: это образцы городской моды конкретного времени. Будучи таковыми, они не могут служить критерием традиционности и типичности, они лишь дают представление о том, во что и как могли наряжать «кукушку» конкретно там и в то время, и только в качестве допущения позволяют предполагать за «кукушкой» статус невесты.

Расходящимися с данными описаний оказываются и обобщения, сделанные в отношении преобладающего в наряде и элементах украшения «кукушки» красного цвета как подтверждающего ее статус девушки (в брачном возрасте, просватанной или невесты): «*Во всех случаях* в наряде кукушки-птицы *присутствуют* (...) элементы *девичьей праздничной одежды* или *красный цвет*» (здесь и далее курсив мой. — А. Н.).⁹⁵ Если судить по приводимой Т. А. Бернштам «сводке» данных (правда, опять только по Калужской губ.), можно решить, что красный в самом деле доминирует: «... в Калужской губ. в одежде кукушки *обязательно* присутствует *красный цвет*: красные сарафан и платок, травку или корень „пеленали“ в красный лоскут, траву украшали красными лентами, пестрые лоскутки *всегда* содержали красный цвет, из травы „кукушкины слезки“ сплетали венок и перевязывали его красной лентой».⁹⁶ Однако при просмотре всего массива данных становится очевидно, что свидетельств использования красного цвета при создании «кукушки»,

⁹² Кедрина Р. Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством. С. 102.

⁹³ Справедливости ради надо сказать, что на фотографии, воспроизведенной в статье Т. А. Бернштам (с. 186 — снимок сделан Е. Н. Елеонской), три девушки-калужанки засняты в праздничной одежде (с букетами кукушкиных слезок (?) в руках): все в белых рубашках с кружевами на подвязанных лентами рукавах, в сильно закрывающих сарафаны передниках, отделанных кружевом, и в головных платках, причём завязанных косынкой и явно цветных (один — узорчатый).

⁹⁴ Орловские «кукушки» — антропоморфные куклы, «наряжены в платье с пелериной из розовых лоскутков» (Бернштам Т. А. Обряд «крещение и похороны кукушки». С. 180). Понятно, что эти «кукушки» позднего времени изготовления, но сам факт, что нарядом обрядового тучела (с претензией на весьма древние истоки объекта воплощения) является розовое платье с пелериной, скорее всего свидетельствует об утрате исходных представлений о сущности и значении изображаемого объекта.

⁹⁵ Бернштам Т. А. Обряд «крещение и похороны кукушки». С. 186.

⁹⁶ Там же. С. 185. Ссылка делается на статью Р. Е. Кедринной, в частности на подпись к рис. 1 (Кедрина Р. Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством. С. 101, 102), а также на работы В. М. Кашкарова (Кашкаров В. М. Очерк истории церкви в пределах нынешней Калужской епархии // Калужская старина. 1903. Т. 3. С. 29—30) и И. П. Сахарова (Сказания русского народа. С. 178).

в ее наряде или украшении совсем не много (три источника, на которые ссылается Т. А. Бернштам, — на тот момент едва ли не единственные). Надо сказать, что не столько красный цвет, сколько *пестрота* (разноцветность, рябость) может быть отмечена в качестве характеризующего для «кукушки» как в визуальном отношении, так и в вербальном оформлении (тексты обрядовых песен это подтверждают: рябая — постоянный эпитет кукушки).⁹⁷ К этому внешнему (визуальному? цветовому?) маркеру нам еще предстоит вернуться.

В целом же в контексте рассматриваемого обряда, с учетом времени проведения и разнообразия существующих форм атрибута, красный, встречающийся в наряде или в украшениях «кукушки» (но вовсе не обязательный и не преобладающий), скорее всего указывает на принадлежность объекта миру «иному» и соответственно имеет апотропеическое и продуцирующее значения.⁹⁸ Эти значения, как нам кажется, и должны рассматриваться в первую очередь. Сказанное не отменяет предполагаемого за атрибутом статуса девушки (просватанной, невесты), но позволяет не считать его основным и единственно возможным и не сводит значение красного лишь к подтверждению такового.

Далее у Т. А. Бернштам говорится: «Если кукушка изготовлялась в лесу, то на нее либо надевали принесенный наряд, либо украшали цветами, цветными лоскутками, лентами, кружевами, а иногда „косниками“ (лентами из косы), бусами (дается ссылка на материалы ВГО, ГМЭ и на М. В. Красноженову. — А. Н.). Следует подчеркнуть, что подобные украшения были атрибутами девичьего весеннего праздничного наряда, то есть наряда девушек-невест — группы, достигшей брачного возраста...»⁹⁹ Речь здесь уже идет не об обрядовой одежде антропоморфного чучела, но о принятом ритуальном украшении растительного атрибута *абстрактной* формы, что по вполне понятным причинам заставляет обратиться к традиционным формам ритуального обряжения основного троичского атрибута — дерева.

На то, что среди ритуальных предметов, сопровождавших троичские обряды, преобладали элементы девичьего / женского костюма — «ленты, косники, нередко выплетаемые прямо из кос, снятые с головы платки, головные уборы и венки, украшения — бусы, серьги, кольца», — указывала Л. Н. Виноградова. Она же обратила внимание на то, что «в большинстве случаев женский облик имели центральные персонажи троичских обрядов и игр», в число которых входили троичская березка и кукушка из обряда «крещения и похорон кукушки». По ее мнению, все это предположительно мотивировалось тем, «что некогда в Троицу совершали поминовение исключительно душ умерших младенцев, девушек и молодых женщин».¹⁰⁰ И все же при тотальном просмотре описаний становится очевидно, что

⁹⁷ В свидетельствах В. Броневского, А. Глаголева, И. М. Снегирева, А. Н. Афанасьева, С. В. Максимова, Е. Н. Елеонской, В. Н. Харузиной, Н. П. Гринковой, С. Сухотина и др. (список можно продолжить) нет ничего о красном цвете. Но о цветном, пестром платке, из которого делают «кукушку», говорит, например, А. А. Носова (Орловская губ.); разноцветными лентами, бусами украшается букет, в который сажают «кукушку»; цветной платок набрасывается на связанные вершинки берез для обряда кумления (см.: Харузина В. Н. Обряд «крестить кукушку» в Орловской губернии. С. 144); о разноцветных лентах, связывающих верхушки берез, говорит А. Н. Афанасьев (с. 302—303); о цветных тряпочках, использовавшихся для украшения «кукушки» и о пестроте (= рябости) коры черемуховых веток, из которых ее делали, пишет С. Сухотин (с. 98) и т. д.

⁹⁸ Об амбивалентной символике красного цвета см.: Славянские древности. Т. 2. С. 647. На наш взгляд, исчерпывающее объяснение семантики красного цвета дано Е. Е. Левкиевской: «Красный цвет имеет апотропеическую семантику, безусловно, и потому, что в народной традиции он символизирует собой все, что связано со сферой жизни, здоровья, плодovitости и поэтому противостоит смерти. В связи с этим часто красный цвет приобретает семантику замещения, поскольку своим присутствием в охраняемом пространстве „вытесняет“ из него зло» (Левкиевская Е. Е. Славянский оберег: Семантика и структура. М., 2002. С. 136).

⁹⁹ Бернштам Т. А. Обряд «крещение и похороны кукушки». С. 185.

¹⁰⁰ Виноградова Л. Н. Мифологический аспект полесской «русальной» традиции. С. 128. Явно перекликающимися с рассматриваемым нами материалом оказываются свидетельства о формах поминовения, связанных с пасхальным периодом, из белорусского и украинского материала XIX в. Так, Н. Я. Никифоровский писал о белорусском обычае варить на «навско скрисенье» (четверг на Пасхе) «столько яиц, сколько в семье было умерших детей, и есть их на открытом месте, предварительно покатав по земле, чтобы дети с неба видели, что их помнят» (Никифоровский Н. Я. Простонародные при-

в подавляющем большинстве случаев, где имеет место вторая часть обряда — «похороны кукушки», антропоморфная «кукушка» оформляется как абстрактная «покойница», чей возраст определить сложно: материал показывает разброс возрастных маркировок объекта от девочки до старухи.

Необходимо отметить, что изготавливали куклу и / или наряжали из средств, которые не являлись случайными. Как это было характерно для подавляющего большинства календарных «ритуальных проводов», здесь проявлялся обязательный элемент личной сопричастности всех участниц обряда. Таковой мог выражаться, например, в обычной складчине: «...кукушка — это (...) большая кукла, сшитая из лоскутков ситца, миткалю, ленточек и кружев на деньги, собранные всеми женщинами селенья в складчину (по 1 коп.)...»¹⁰¹ Если это не были общие деньги, на которые затем приобреталось все необходимое для изготовления куклы и / или наряда для нее, то подобным обязательным «личным вкладом» являлось принятое в изготовлении или обряде атрибута участие каждой: коллективное шитье ритуальной одежды для «кукушки», а в тех случаях, когда шитье, например, запрещалось, — совместное изготовление пелен (=савана) или же жертвование на «кукушку» какого-то элемента из собственного гардероба (платка, рубашки, лент¹⁰² и т. п.), совместное изготовление самого обрядового атрибута, гроба для него и т. д. Возможно, что условие сопричастности, «личного вклада» является простым объяснением превалированию (если таковое в самом деле имеет место) элементов девичьего гардероба в наряде или украшении «кукушки», ведь участницами обряда традиционно были девушки и недавние молодки.

Отмеченная личная сопричастность участниц обряда к созданию и обрядению обрядового атрибута сочеталась с характерной ритуальной закрытостью, которая ими соблюдалась, например, при создании «тела» «кукушки» из «кукушкиных слезок». Известно, что растение с подходящими характеристиками вырывалось на определенном, обычно скрываемом от непосвященных месте (иногда — заранее выбранном знающими участницами, иногда — традиционно, где это происходило из года в год); его срывали или выкапывали опять же тайно (иногда это делалось одной или двумя участницами обряда, при этом и выполнявшие действие, и место, откуда бралась трава, оставались для остальных неизвестными), и «обрядить» кукушку в специально сшитую или собранную от всех участниц ритуальную одежду также могли тайно и т. д. Все это в полной мере отвечает подмеченному еще Р. Е. Кедринной факту, что «ни одна из участниц обряда не сознается, что умеет крестить и снаряжать кукушку».¹⁰³ Даже в фиксациях позднего времени кое-где отмечают остатки некогда жестко соблюдавшихся участницами обряда скрытности и сопричастности. Эти специфические черты, как нам кажется, свидетельствуют в пользу высказанного Т. А. Бернштам предположения о более древнем, чем это принято считать, времени оформления рассматриваемого обряда, но не о его сути: «Все говорит о том, что обряд „крещение и похороны кукушки“ — один из самых архаичных и интересных в ряду весенних „ритуальных похорон“». ¹⁰⁴ Определение заслуживает внимания.

меты и поверья. Витебск, 1897. С. 244). А у М. А. Максимовича, давшего описание украинских «проводов», происходивших в понедельник на Фоминой неделе, есть следующее замечание: «...после панихиды садились вокруг могилы и угощались все родичи и соседи, за исключением взрослых девушек; по-видимому, девушкам, которым в недалеком будущем предстояло стать матерями, общаться с умершими было нельзя. Женщины же продолжали поминки и во вторник. Они собирались по хатам и поминали „дядинок“, т. е. дядьковых жен» (*Максимович М. А. Дни и месяцы украинского селянина // Максимович М. А. Собр. соч. Киев, 1880. Т. 3. С. 481*).

¹⁰¹ *Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила* (1903). Цит. по: *Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. С. 354*.

¹⁰² Есть свидетельства, по которым участницы, чтобы украсить «кукушку», выплетали ленты из собственных кос; а из поздних — у Е. А. Журавлевой: с девочки снимали одежду и наряжали в нее «кукушку» (*Журавлева Е. А. Похороны кукушки. С. 32*).

¹⁰³ *Кедрин Р. Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством. С. 108.*

¹⁰⁴ *Бернштам Т. А. Обряд «крещение и похороны кукушки». С. 191, 197.*

Подчеркнем, что в подавляющем большинстве описаний¹⁰⁵ варианты половой маркировки антропоморфного атрибута в отличие от возрастной не допускаются (одежда, в которую обряжается атрибут, в целом это подтверждает): «кукушка», которую крестят или хоронят, всегда «она», мужской пол атрибута полностью исключается в соответствии с традиционной этиологией мифологического образа кукушки: это либо девочка / девушка (дочь, сестра, обобщенно сирота или обобщенно невеста), либо вдова. Но в то же время представления о кукушке — душе покойника-предка (= родителя) подобных ограничений не имеют. Так, к примеру, в псковских плачах-голошениях в поле, о которых писала Г. Лобкова, в облике кукушки навещает близких душа матери, сына, дочери, брата, отца...

III. Фактически вся троицкая обрядность была выстроена на вере в то, что «родители» («большие» и «малые») навещают в это время своих родных в мире живых. Живые к посещению готовились, как того требовал обычай: прибирали дома, украшая их внутри и снаружи свежей зеленью — покрытыми молодой листвой березовыми (могли быть и другие) ветками, травой и цветами; выметали деревянную улицу, посыпали песком (красным или желтым) специальные «тропочки»-дорожки; березовыми вениками «опахивали могилки», «разметая глаза покойникам»; вкапывали — «ставили» (и у дома — «под окнами», во дворе, и на могилках) березки: «...прилетает душенька и на березку сядит... Вот сколько у меня-то умерши, я всем па березки ставлю»;¹⁰⁶ специально приглашивали — звали умерших «прилетать» в гости и т. д. Очевидно, что обычай украшения домов и дворов весенней зеленью для родительских душ был прежде широко распространен у всех восточных славян и оказался достаточно живуч, что подтверждают современные записи: «У нас говорили, що душі померлої рідні приходять до хати й ховаються в клечанні. Не квітчати хату було гріх» (Черниговская обл., конец 80-х гг. XX в.).¹⁰⁷ Некоторыми исследователями — В. Н. Харузиной, Г. Лобковой — была отмечена обязательность использования в троицких ритуальных действиях берез и прочей зелени (цветов и трав) со «своей» земли — выросших на «своем» поле, огороде, в «своем» саду.¹⁰⁸

Этот обычай, без сомнения, являлся важным элементом восходящего к древним заупокойным ритуалам весеннего поминального комплекса наравне с посещением кладбищ, кормлением душ, топлением для них бани и т. п. Но вместе с общепринятым представлением, что все это проделывалось для душ родительских, в ряде мест сохранилось представление менее распространенное: истинным объектом забот являлись прежде всего души молодых умерших, беспокойных и опасных. Так, в Полесье обычай устилать на Троицу пол свежей травой, втыкать в стены дома зеленые ветки и т. д. нередко напрямую мотивировался тем, что делается это «для русалок»: чтобы «тые русалки ходылы, шчоб ноги у их не кололыся»; «шчоб русалки гойдалися»;¹⁰⁹ то же можно было услышать и в интересующем нас регионе, в частности в Брянской обл.: «Клену принясуть, по окнам стремляють,

¹⁰⁵ В расчет в данном случае не берутся те поздние описания, где фигурируют парные атрибуты — кукушка и кокун (варианты: кукон, куколь, соловей) — с явной брачной символикой (см.: *Смирнов В. А.* Обряд «крещения» и «похорон кукушки» и купальская обрядовая поэзия восточных славян. С. 63; *Журавлева Е. А.* Похороны кукушки. С. 32; *Русанова Н.* Обряд «крещения и похорон кукушки» в Белгородской обл. С. 242).

¹⁰⁶ *Лобкова Г.* Древности Псковской земли. С. 36; ср.: «На березу прилетит кукушка, кукушка — это почти то же самое, что родители...» (Русский праздник: Иллюстрированная энциклопедия. Праздники и обряды народного земледельческого календаря. СПб., 2001. С. 591, Псков. обл.).

¹⁰⁷ *Воропай О.* Звичаї нашого народу. Київ, 1991. Т. 2. С. 151—152 (Чернигов. обл.); цит. по: *Виноградова Е. Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000. С. 200, 201.

¹⁰⁸ «Со своева шчоб поля были эты березки» (особенно те, которые ставили на могилках), «когда ломали березки, (...) голосили, обращаясь к умершим близким или к кукушке» (*Лобкова Г.* Древности Псковской земли. С. 36—37; Плюсский р-н Псков. обл.). О том, что в каждом болховском саду непременно были березы и цветы, использовавшиеся для троицкого украшения, и в том числе «заря», из которой изготавливали «кукушку»: «зарю» брали из сада кого-л. из «своих», то есть из участниц обряда, — см.: *Харузина В. Н.* Обряд «крестить кукушку» в Орловской губернии. С. 141.

¹⁰⁹ *Виноградова Е. Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. С. 200.

берез приносят, становятся. Русалки будут, каже, колыхаться».¹¹⁰ Таким образом, как указывает Е. Н. Виноградова, троицкое украшение домов зеленью объяснялось тем, что «на Зеленые святки русалки и души умерших преждевременной смертью выходят из воды и вселяются в деревья и цветы; внесение зелени в дом {...} осмыслилось как поминальный обычай».¹¹¹

Все это дает ключ к разгадке обилия и разнообразия растительных форм «кукушки» и позволяет говорить если не о базовой привязке «крещения и похорон кукушки» к троицким поминальным обрядам, то о явной их соотнесенности. Такая связь представляется тем вернее, что при всем упомянутом разнообразии для любой из фито-«кукушек» почти без усилий обнаруживается аналог среди известных форм троицкой зелени.

В группу фитоморфных изображений «кукушки» попадают, во-первых, те формы, на изготовление которых идет взятый целиком экземпляр какого-либо растения (например, *кукушкины слезки*) или даже целое дерево (например, *ель*), во-вторых, формы, которые представлены частью / частями растения:

— срезанная и украшенная *ветка* (пушистая, с пестрой корой и т. д.) или, как вариант, срезанная *верхушка* дерева;

— *корень*, чья форма (круглая или продолговатая), количество отростков на нем, цвет (светлый или темный) и даже состояние, зависящее от временного параметра (вялый — прошлогодний, крепкий — года текущего) и т. п., могли получать собственное значение, дополняющее или уточняющее основное значение изготавливаемого атрибута;

— *стебель* (например, раздвоенный) или его травянистая часть (нередко существенным становилось количество травинок-стебельков в пучке) и т. д.;

в-третьих, формы абстрактные, скомпонованные из нескольких растений или их фрагментов, вместе составляющих круг (венок), полукружие или перекрестье (арка, «воротца», «шалашик»):

— молодые деревца (обычно растущие рядом или, реже, срубленные), сгибаемые дугой или пригибаемые верхушками к земле и связываемые вместе, например, «оборой»;

— ветви дерева, свитые / сплетенные в венок (вариант: ветви пригнутые, притянутые к земле и сплетенные в «косу» со стеблями и цветами растущих под деревом трав);

— ветки (обычно четное число), срезанные, согнутые и воткнутые определенным способом в землю — например, перекрестно, чтобы дуги образовали «шалашик»;

— венок, свитый из срезанных тонких веток и / или собранных трав и цветов;

— комбинированный букет из трав и цветов (иногда с добавлением древесных веток).

Внешне, по количеству и разнообразию, группа растительных форм «кукушки» выглядит внушительно, но большинство этих форм довольно сложно соотнести как с птицей кукушкой, так и с обрядом «крещения и похорон», за исключением собственно названия и некоторых неочевидных мелочей. Но прежде чем перейти к их рассмотрению, необходимо снять вопрос о соломе,¹¹² которая издавна и, мож-

¹¹⁰ Пашина О. А. Похороны кукушки и проводы русалки. С. 43. Цит. по: Виноградова Е. Н. Народная демонология... С. 200.

¹¹¹ Виноградова Е. Н. Народная демонология... С. 200, со ссылкой на: Килимник С. Український рік у народних звичаях в історичному освітленні. Вінніпег, 1957. Т. 4. С. 28.

¹¹² Обрядовая семантика соломы отмечена полифункциональностью, базовыми функциями можно назвать следующие: а) защитную и очистительную функции, когда солома выступала в качестве апо-тропея от нечистой силы (в частности, служила оберегом от русалок, см.: Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 70 (рус., повсем.); б) продуцирующую функцию, когда, например, солому от разодранного масленичного чучела раскидывали по полю, скармливали скоту и сжигали в домашних печах, чтобы обеспечить плодovitость земле, скоту, молодым (Пропл В. Я. Русские аграрные праздники. С. 85—86, со ссылкой на: Зернова А. Б. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае // СЭ. 1932. № 3. С. 18 (Москов. губ.)); в) олицетворение «спора», средоточие

но сказать, приоритетно использовалась в изготовлении различных календарных чучел и ритуальных объектов.

В статье В. А. Смирнова есть утверждение: «Р. Кедрина убедительно показала, что первоначально в обряде «похорон кукушки» главную роль играла кукла из соломы, которой придавали женские черты, и лишь позднее ее заменила зеленая ветка в женской одежде, а затем чучело птицы...»¹¹³ Не останавливаясь на самой последовательности трансформаций атрибута, укажем только, что использование в обряде «с кукушкой» «куклы из снопа»¹¹⁴ было высказано Р. Е. Кедринной лишь как предположение. Исследовательница полагала «крещение и похороны кукушки» обрядом аграрным, символизирующим умирание и оживление природы и, соответственно, стимулирующим рост растительности. При такой трактовке естественно выстраивались параллели с известными календарными проводами / похоронами, в которых чучело из соломы было традиционным.¹¹⁵ Так, например, в обряде «проводов русалки» (в основе очень близком к «похоронам кукушки») «русалку» довольно часто представляло именно соломенное чучело или «кукла из снопа».¹¹⁶ Указывая на продуцирующее значение соломы как материала для ритуального чучела в обрядах аграрных похорон, В. Я. Пропп писал: «...существа, воплощающие растительную силу, теперь принимают форму злаков: их делают из соломы, или это — сноп, украшенный лентами или одетый в человеческую одежду. (...) Растерзание сменяется погребением в землю, как это имело место при похоронах Костромы и кукушки. Они погребаются в землю подобно тому, как в землю при посеве погружается зерно. Растерзаемые куклы (...) просто разбрасываются по полям или огородам».¹¹⁷

Все так, но данные о растерзании чучела «кукушки» отсутствуют,¹¹⁸ не было их и на момент появления работы В. Я. Проппа (1963 г.), не говоря уже о времени выхода статьи Р. Е. Кедринной (1912 г.). Не существует данных и о последующем разбрасывании фрагментов растерзанной «кукушки» по полям и огородам. Если фиксировались «похороны кукушки», то ее именно хоронили (то есть зарывали), причем, как правило, стремясь соблюсти тайну, что, надо признать, не соответствует коллективному характеру «проводов» большинства аграрных похорон. Даже в совсем недавних записях, по замечанию Е. А. Журавлевой, «в термине *хоронить кукушку* слово *хоронить* исполнители обряда, как правило, употребляют в значе-

родящей силы жита (воплощением таковой в первую очередь была соломенная антропоморфная кукла (в том числе ржаной сноп) в весенне-летних и жатвенных обрядах (повсем.)).

¹¹³ Смирнов В. А. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» и купальская обрядовая поэзия восточных славян. С. 64.

¹¹⁴ Кедрина Р. Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством. С. 127—128.

¹¹⁵ Можно привести многочисленные этнографические свидетельства того, что антропоморфные (и не только антропоморфные) изображения Масленицы, Костромы, Горюна, Купалы, Морены, Козьмы-Демьяна и др. в большинстве случаев делались из соломы. См., например: Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 258, 259, 268, 270, 273.

¹¹⁶ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. С. 91. Однако стоит обратить внимание на то, что «проводы русалки», в которых использовалось «антропоморфное чучело „русалки“ — „чучело женского вида“ (ржаной сноп, обряженный в женскую одежду, или тряпичная кукла) (...) такой тип обряда Д. К. Зеленин считал редкостью» (Виноградова Л. Н. Мифологический аспект полесской «русальной» традиции. С. 113).

¹¹⁷ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. С. 109.

¹¹⁸ Обычно речь идет не об уничтожении (разрывании на части) антропоморфной «кукушки», а о раздевании ее, отрытой после «ритуальных похорон», и об оставлении затем на ветке дерева, под которым происходил обряд (среди поздних свидетельств таких «похорон» большинство). Хотя нельзя не признать, что раздевание атрибута, то есть лишение его внешних маркеров, указывающих на его значение, в сущности, является тем же уничтожением. Что касается других форм «кукушки», например «шалашика», такую по завершении обряда просто оставляли в том виде, в каком она была изготовлена для его проведения (разве что мальчишки могли, случайно наткнувшись, разорить). Разряженную ветку-«кукушку» могли выбросить, а могли хранить до следующего года, причем сохраняли ее, к примеру, заткнутой за стреху или на чердаке, что вполне соответствовало принятому месту и способу хранения ритуальных атрибутов растительного происхождения (так же могли хранить вербные веточки с Вербного воскресенья, пучки ивановских трав и т. д.).

нии „прятать“». ¹¹⁹ Да, случалось, что «кукушку» хоронили в ржаном поле, на лугу, на кладбище или в огороде, но уже ясно, что такие похороны пришли на смену ранее принятому тайному погребению «кукушки» в лесу, и можно не сомневаться, что это фиксации позднего времени.

Кроме того, если «крещение и похороны кукушки» являются обрядом аграрных похорон, то было бы логично заключить, что «похороны» должны быть основной его частью. Однако такое заключение опровергается данными Р. Е. Кедриной: «...из 17 рассмотренных ею записей обряда только в четырех есть описание похорон или указание на их наличие». ¹²⁰ Впервые на расхождение концепции и фактического материала обратила внимание В. К. Соколова, и именно ею было сформулировано следующее положение, важное для понимания того, как изменялся обряд в структурном (а значит, и в смысловом) отношении: похороны появились в нем поздно «под влиянием похорон других антропоморфных изображений, а вероятнее — под влиянием игры». ¹²¹

Был и еще один момент, подмеченный В. К. Соколовой: Р. Е. Кедрину, очевидно, занимало то, что «кукушку» после «похорон», если таковые происходили, было принято откапывать вновь. Р. Е. Кедрина склонна была рассматривать такое «откапывание» как факт, подтверждающий теорию «воскрешения» вегетативного божества, но, поскольку ничего подобного с чучелами в прочих аграрно-производящих похоронах не проделывалось, такая трактовка не убеждала. Смысл откапывания уже погребенной «кукушки» продолжал быть неясным. ¹²²

Закрывая вопрос о соломенном чучеле, подчеркнем, что в материалах Р. Е. Кедриной данных об изготовлении «кукушки» из соломы нет, и на сегодняшний день подобные свидетельства также отсутствуют. ¹²³ Но, как указывал В. Я. Пропп, на определенном этапе материал, из которого изготавливалось чучело (кукла) — антропоморфное изображение растительной силы, мог быть любым, поскольку дерево, ветка (его представлявшая) и кукла (воплощение его сущности) сосуществовали и дополняли друг друга. ¹²⁴

Ранее уже было отмечено, что большинство растительных форм «кукушки» вполне могли бы рассматриваться как аналоги троицкой обрядовой зелени, не исключая троицкого дерева. Но данных по использованию в обряде «крещения и похорон» целого дерева в роли «кукушки»-атрибута нет; только Е. А. Журавлева упоминает об использовании в этом качестве ели, ¹²⁵ но не подкрепляет упомя-

¹¹⁹ Журавлева Е. А. Похороны кукушки. С. 33; о том, что «хоронили кукушку», просто оставляя ее на ветке дерева, см.: Пашина О. А. Похороны кукушки и проводы русалки. С. 45; Русанова Н. Обряд «крещения и похорон кукушки» в Белгородской обл. С. 239, 240, 242.

¹²⁰ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. С. 202, со ссылкой на: Кедрина Р. Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством. С. 110; имеются в виду записи Е. Н. Елеонской, В. Н. Харузиной, А. А. Носовой и В. М. Кашкарова, но почему-то оставлена в стороне запись А. И. Трунова по Орловской губ., которую сама Р. Е. Кедрина довольно активно использует в работе.

¹²¹ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды... С. 203. Эта мысль подтверждается всем массивом существующего описательного материала, если его рассматривать в поступательном движении, — в ранних описаниях обряда о похоронах кукушки речи нет.

¹²² Предпринимались различные попытки объяснить откапывание атрибута: например, с утилитарной целью сохранить обрядовую одежду «кукушки», гроб и проч. для следующего раза (что вполне возможно на стадии вырождения обряда, когда он переходит в игровую форму); или, как элемент фазы завершения „обратных“ действий, имевшей место после проведения обряда, сродни раскумлению участниц и возвращению знаков кумовства, расплетению завитых для проведения обряда ветвей берез и т. д.; но были также случаи, когда «кукушку» откапывали с целью сохранить ее «на счастье» (в этих случаях «кукушкой», как правило, являлось растение *кукушкины слезки*, точнее, его корень, которому приписывалось свойство поддерживать любовные и семейные отношения).

¹²³ В статье Е. А. Журавлевой упоминается возможность изготовления «кукушки» из соломы (Журавлева Е. А. Похороны кукушки. С. 32), но фактического подтверждения этому не дается; скорее всего, упоминание не основывается на собственных материалах, но является извлечением из кедринской работы, на которую есть ссылка в начале статьи.

¹²⁴ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. С. 109, со ссылкой на книгу Д. Фрэзера «Золотая ветвь» (1907).

¹²⁵ Журавлева Е. А. Похороны кукушки. С. 32. Подчеркнем еще раз, что данная информация единичная, точечная (по Белгородской обл.) и недавнего времени.

нутого фактическим материалом и никак не комментирует. Однако далее ею делается очень важное, на наш взгляд, замечание о том, что дерево могло выполнять в обряде «крещения и похорон кукушки» роль второго (равнозначного или второстепенного) атрибута: «В некоторых местах в одном обряде сосуществуют «кукушка», имеющая (обычно) растительную природу, и ритуальный предмет — дерево (...) в некоторых местах эти два ритуальных предмета соединяются в одно целое».¹²⁶ Там же Е. А. Журавлева пишет: «...его (дерево) так же, как и кукушку, наряжают лентами, монистами, бумагой и несут по селу. В роли ритуального предмета выступают, очевидно, и растения, к которым или на которые кукушку помещают в дальнейшем».¹²⁷ Судя по всему, в данном случае надо говорить о смешении элементов двух разных обрядов и о стадии взаимосвязанного функционирования их обрядовых атрибутов, с тенденцией к последующему замещению одного другим.

Существует немало описаний того, как украшали (лентами, бусами, платками и т. п.) троицкую березку. В. К. Соколова указывает, что это было характерно для русских центральных, поволжских областей и Сибири и что в первой половине XIX в. украшение березки и хождение с ней сохраняли обрядовое значение.¹²⁸ Березке нередко придавали антропоморфный облик — деревце оформлялось, как кукла: его одевали в девичий / женский наряд (все те же рубашка, сарафан, головной платок или, как вариант, — кофта, юбка, фартук, а на голову — платок или кокошник (Тюменский у. Енисейской губ.)).¹²⁹ В ряде мест Енисейской и Иркутской губ. березку наряжали «в самое лучшее девичье платье», причем, чтобы подчеркнуть девичий статус березки, приделывали ей косу из травы, соломы или кудели.¹³⁰ Известно, что во все время обряда участницы нередко именовали обряженную березку «кумой» (это было распространено в Тульской обл.).¹³¹

Деревце «принимало участие» в ритуальной трапезе и наравне с участницами обряда «угощалось» ритуальной пищей. Так, в статье Г. Г. Шаповаловой приводится еще одно свидетельство (1915 г.) из Тюмени: «наряженную в женское платье (...) (березку) вносили в деревню и здесь носили по всем домам. В каждом доме помещали березку в передний угол и „кормили“ ее теми кушаньями, которыми угощали гостей. Перед березкой ставили особый столик с пивом, вином, печеньем и сладостями. Девушка-хозяйка, завивавшая венки на березе, кланялась березе и просила: „Белая березынька, милости просим к нам в гости, не побрезгуй нашим хлебом-солью“»¹³² (ср. с комментарием участниц трапезы с «кукушкой» в лесу: «Опосля (кумления), значит, сядем и зачнем яишницу есть и друг друга угощать. „Ты, говорим, кума, моей испробуй — дюже хороша!“ А потом встанем, да на прощанье кукушке поклонимся и скажем: „Спасибо, кукушка, что яишницей угостила“» (Новосильский у. Тульской губ., 1912 г.)¹³³).

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же. «Кукушку» во время обряда сажали / клали на ветку или на сплетенные ветки дерева, ставили или клали под деревом на разостланный платок и т. д.

¹²⁸ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. С. 193; встретила также помета, что украшать троицкую березку было принято, только если на ней не было листьев (с. 224; Онежский. р-н Арханг. обл.).

¹²⁹ Там же. С. 194, со ссылкой на публикацию сибирских материалов 1915 г.

¹³⁰ Там же. С. 194; здесь же на материале разных губерний можно видеть, как происходила трансформация от украшения обрядового дерева к ряжению его как антропоморфной куклы, а затем к созданию антропоморфного чучела из перекрещенных связанных палок (березки уже нет), а кое-где наряду с березкой убирали зеленью девушку — распорядительницу обряда.

¹³¹ Об этом также см.: Снегирев И. М. Русские протонародные праздники (...). Вып. 3. С. 100.

¹³² Шаповалова Г. Г. Майский цикл весенних обрядов // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 106. Там же со ссылкой на Д. К. Зеленина указывается, что в Семик в большинстве губерний девушки тайно от парней шли в лес, прихватив с собой еду (яичницу, пироги или особый каравай, украшенный зеленью; причем все кушанья приготавливались из продуктов, собранных от девушек всей деревни). Выбрав деревце, девушки складывали под ним всю еду, потом заламывали его, вили из его веток венки, после чего садились под дерево и угощались, оставляя недоеденное под деревом.

¹³³ Сухотин С. Несколько обрядов и обычаев в Тульской губ. С. 99.

В пользу предположения о последующем замещении говорит и такое специфическое недавнее включение в акциональный код обряда «крещения и похорон кукушки», как шествие с атрибутом по деревне. Характерное для троицкого обряда с березкой, в обряде с «кукушкой» оно лишается логической обусловленности¹³⁴ и представляется странным. Однако, если судить по белгородским записям Е. А. Журавлевой, эта структурная часть в позднейших вариантах обряда оказывается не просто устоявшейся, но чуть ли не базовой, поскольку самими участниками воспринимается как собственно «крещение кукушки»: «Девчата идутъ (<...>) кукушку-то забирають, и как она кукукае, говорятъ: Покукукай, покукукай, кукушечка, да переставай, а мы несем тебя кстить, — *несут тада ее кстить по деревне, тогда называется ее крещение*, скстять» (д. Вышние Пены Ивнянского р-на. Курсив мой. — А. Н.).¹³⁵

Идея того, что поначалу обряд «крещения и похорон кукушки» не был связан с троицким периодом и соответствующими ему обрядами, а обрел эту связь лишь в процессе трансформации, была высказана еще В. К. Соколовой: «Из стойко сохранившегося названия можно сделать вывод, что первоначально было только „крещение кукушки“, причем оно не имело отношения к Семику и Троице (<...>) Так как крещение „кукушки“ объединилось с кумлением, его стали исполнять вместе с ним, а исследователи рассматривали его как троицкий обряд».¹³⁶ Хотелось бы подчеркнуть, что описания первой трети XIX в. именовали обряд «крещением кукушки» примерно в половине случаев, употребляя гораздо чаще (и вряд ли это случайно) названия «кукушки», «кумовство над кукушками» или «крещение кукушек и кумованье». Напрашивается вывод, что даже самые ранние записи обряда зафиксировали его уже на проходной стадии трансформации, когда он оказался связан с троицкими обрядами и, в частности, с кумлением. Добавим также, что именно с этих описаний (А. Глаголева, В. Броневского, И. М. Снегирева и др.) вплоть до работы Р. Е. Кедринной утвердилось понимание кумления как ключевого элемента данного обряда и сути «крещения» кукушки, что в полной мере подтверждают пояснения участниц обряда и комментарии записывавших.

В этой связи, как нам кажется, интерес представляет зафиксированное в обряде «с кукушкой» описание кумления вчетвером: «В селе Овстуг Брянского уезда в Троицын день крестьянские девушки собирались в роще, где вырывали молоденькую березку и украшали ее лентами и косынками. На самой вершине березки привязывалось растение кукушка. Четыре девушки садились вокруг березки и „кумились“; остальные в это время пели. Первую четверку сменяла следующая и т. д. После того как все четверки покумятся, выбирали двух из самых старших участниц праздника. Избранные девушки несли молодое деревце (с кукушкой на его вершине) в укромное место и, стараясь оставаться никем не замеченными, сажали березку, загадав на одну из них: если дерево примется, то девушка выйдет замуж до следующей Троицы...»¹³⁷ Взаимосвязанное функционирование в обряде кумления двух атрибутов в данном случае очевидно. И пусть птицу кукушку здесь изображает лишь номинально соотносимое с нею растение (в тексте приведенного фрагмента говорится, что упомянутое растение «кукушка» — это *кукушкины слезки*), символика птицы на верхушке дерева настолько прозрачна, что автомати-

¹³⁴ Достаточно вспомнить, насколько закрытым был обряд в традиционном исполнении и какие жесткие меры обеспечения этой закрытости обычно предпринимались его участниками: «...отношение крестьянок к обряду самое серьезное, его старательно скрывают, обставляя большой таинственностью» (Харузина В. Н. Обряд «крестить кукушку» в Орловской губернии. С. 142; аналогичные наблюдения см.: Кедрин Р. Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством. С. 108).

¹³⁵ Журавлева Е. А. Похороны кукушки. С. 33.

¹³⁶ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. С. 203.

¹³⁷ Пуртов Е., *церей*. Кумление // сайт «Русская культура»: <http://www.russned.ru/stats.php?ID=558> (статья написана по материалам описаний первой половины XIX в.). В сущности, это яркий пример того, как в обряде с кукушкой начинают проявляться элементы брачной символики, широко представленной и активно функционирующей в троицкой обрядности.

чески выводит на мировое древо,¹³⁸ в который раз подтверждая главенствующую в обряде идею плодородия. Указанное характерное взаиморасположение атрибутов не является единичным, — в целом ряду описаний обряда «крещения и похорон» «кукушку» (как правило, фитоморфную) помещают на / под верхушку дерева / деревьев¹³⁹ или других растительных и нерастительных форм¹⁴⁰ для последующих обрядовых действий.

Немало также свидетельств помещения «кукушки» *под / над* или *в* некую структуру (дугу, арку, венок), сооруженную участницами обряда из свитых, связанных, перекрещенных древесных ветвей (над или под ней затем совершали обряд кумления): «...свивают вместе две ветки растущих рядом берез или орешника, покрывают их платком, сажая туда свою „кукушку“...»;¹⁴¹ «...отыскивают траву, называемую кукушкою (...), и вырыв ее с корнем, одевают в сорочку, потом кладут на землю, ставят над ней крестообразно две дуги, покрывая их платками и вешая с двух сторон по кресту»; «...приходят в рошу, отыскивают две плачущие березы, нагибают и связывают их ветви разноцветными лентами, платками или полотенцами в виде венка; над венком кладут траву или чучело кукушки, а по сторонам привешивают кресты...» (курсив мой. — А. Н.)¹⁴² и т. д.

Очевидным свидетельством трансформационного замещения одного атрибута другим стали участвовавшие случаи фиксации в качестве «кукушки» форм в виде «шалашика» или венка (сплетенных из древесных ветвей, трав и цветов) или комбинаций в виде букета: «Захватим с собой цветных тряпочек, наберем цветов, травы, что называется кукушкины слезки, и идем в лес. (...) Парни нам только загодя срезали две черемуховые ветки, беспременно черемуховые (кора молодой черемухи крапчатая). Придем, воткнем их обоими концами в землю крест-накрест, повесим посредине крестик и разукрасим их цветными тряпочками, цветами и травкой, которую собрали. Так что вроде как шалашик выйдет. Это мы и называли кукушкой...»;¹⁴³ «...за неимением (птицы кукушки) сплетают из травы кукушкины слезки (*orchis latifolia*) венок, перевязывают его красною лентою и выходят на луг или в лес...»;¹⁴⁴ «кукушкой может называться (...) букет цветов, неделю простоявший в доме» (курсив мой. — А. Н.)¹⁴⁵

Типичной на этой трансформационной ступени может считаться «кукушка»-ветка: «В с. Архангельском Орловского у. (...) шли в лес, выбирали место. Одна из женщин срывала ветку с дерева и втыкала в землю, на нее вешали ленты, бусы и три креста (...) называли такую ветку здесь „кукушкой“...».¹⁴⁶ О том же писал С. В. Максимов: «Кукушка — это в иных местах просто ветка с дерева, воткнутая в землю...»,¹⁴⁷ а до него о «кукушке»-ветке писали П. В. Шейн («разукрашенная ивовая ветка», Кур. губ., Дмитровский у.), Н. Ф. Сумцов («рябиновая ветка, украшенная

¹³⁸ В. Н. Топоров, говоря о целевых объектах календарных обрядовых песен, указывает на растительные символы как на аллюварианты мирового древа или как на конкретные символы блага-плодородия (Топоров В. Н. Предистория литературы у славян. С. 145).

¹³⁹ «Кукушку» могли укреплять или подвешивать под связанными вместе верхушками двух соседних деревьев, под веткой дерева, втыкать в середину букета. — См.: Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России: Сборник трудов. М., 1994. С. 152 (Калуж. губ.); Кедрина Р. Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством. С. 104 (Орлов. губ.); Харузина В. Н. Обряд «крестить кукушку» в Орловской губернии. С. 144, 145 (Орлов. губ.; наблюдения А. А. Носовой).

¹⁴⁰ У Е. А. Журавлевой говорится о том, что «кукушку» во время шествия по деревне могла нести на голове или в руках девушка (в последнем случае — положив на тарелку); там же описана очень необычная, но в действительности никак не нарушающая общей картины форма «кукушки» — руки наряженной девушки подняты над головой, так что запястья касаются головы, кулаки сжаты и соединены вместе и обвязаны платком (Журавлева Е. А. Похороны кукушки. С. 32, Белгород. обл.).

¹⁴¹ Кедрина Р. Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки»... С. 104.

¹⁴² Афанасьев А. Н. Заметки о загробной жизни по славянским преданиям. С. 302, 303.

¹⁴³ Сухотин С. Несколько обрядов и обычаев в Тульской губ. С. 98 (с. Кочеты Новосильского у.).

¹⁴⁴ Сказания русского народа, собр. И. П. Сахаровым. С. 307 (Калуж. губ.).

¹⁴⁵ Журавлева Е. А. Похороны кукушки. С. 32 (Белгород. обл.).

¹⁴⁶ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. С. 201—202, со ссылкой на материал архива ГМЭ (1145. Л. 4 об.).

¹⁴⁷ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 353 (данные Тенишев. архива по Дмитровскому у. Орловской губ.).

лентами и цветами»), М. Г. Халанский («украшенная ветка черемухи или бузины с привешенной к ней тесьмой с крестиком», Кур. губ., Путивльский у.)¹⁴⁸ и т. д.

Е. А. Журавлева упоминает один из белгородских вариантов обряда, в котором для обозначения атрибута не пользовались (или почти не пользовались) названием «кукушка», именуя его иначе: «...наряженную ветку называли репей (интересно, что именно так называлось свадебное дерево в Нижегородской губ. и южнее ее), а также каравай. В этих местах лишь несколько раз наряду с этими названиями употребляется название „кукушка“».¹⁴⁹ Упомянутый *репей* делали, по-видимому, следующим образом: «...брали пушистую ветку (как правило, сосны) и обвязывали ее платком, а к плату пришивали ленты. На ветку вешали монисты (*местное название стеклянных бус*), а также колокольчик — звончик» (Ракитянский р-н Белгород. обл.)¹⁵⁰ Внимание привлекает то, что в обряде здесь участвовали женщины разного возраста, и потому было принято делать несколько репьев «в соответствии с возрастом участниц».¹⁵¹ Примечательно также, что обряд, как указывает Е. А. Журавлева, состоял из двух частей — из снаряжения кукушки и кумления (!) участниц;¹⁵² а после обхода деревни с репьем его разнаряжали, и каждая девушка забирала свои ленты. Ветку при этом выбрасывали или сохраняли до следующего года, когда ее снова наряжали. Хранили ее, «заткнув за стреху» или «вскинув на потолок».¹⁵³

Аналогично описанному «разнаряжению» репья, сопровождавшему акт раскумления, поступали и с «кукушкой» — букетом цветов, причем, что интересно, букетом стоялым — «неделю простоявшим в доме» (см. выше): на Вознесение девушки собирали букет цветов, хранили его в течение недели у кого-нибудь в доме, «а тады этот букет на второй неделе несут и „кукушку“ хоронят: идут на мост над рекой, цветы те в воду кидают».¹⁵⁴ Совершенно нетипичное, выпадающее из традиционных действий с «кукушкой» выдерживание ее в доме и последующий способ «похорон» — все это полностью согласуется с действиями, принятыми в отношении троичкой зелени. По прошествии периода пребывания душ умерших в мире живых (обычно указывается неделя, хотя могут быть и другие сроки) контакт необходимо было закрыть — проводить гостивших обратно в их мир, чем и мотивировалась обязательная «уборка» зелени как со дворов, так и из домов: «...че-

¹⁴⁸ Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Т. 1, вып. 1. С. 342—343; Сумцов Н. Ф. Культурные переживания. Киев, 1890. С. 375; Халанский М. Г. Народные говоры Курской губ. // Сб. ОРЯС, 1904. С. 146.

¹⁴⁹ Журавлева Е. А. Похороны кукушки. С. 32. Неясным, на наш взгляд, является здесь упоминание каравая. Одинаковое именование фитоморфного обрядового атрибута календарного обряда и свадебного дерева (репей) в одной традиции встречается, но одно название для фитоморфного атрибута и для обрядового (свадебного) хлеба — явление редкое и требует разъяснения. У Н. Ф. Сумцова говорится, что в период Семика и Троицы в юнорусской традиции (ареал обряда «крещения и похорон кукушки») было принято печь обрядовые хлеба; а в Орловской губ., в частности, пекли два каравая, один из которых девушки несли с собой в рошу на завивание троичких венков (см. о «молении каравая»: Сумцов Н. Ф. Символика славянских обрядов. М., 1996. С. 208). Однако в рассматриваемом случае вряд ли можно говорить даже о смешении троичкого обряда завивания венков с одним из вариантов обряда «крещения и похорон кукушки». Что же касается аллюзий на свадебную атрибутику, то, к примеру, в польской традиции, которую стоит учитывать в отношении рассматриваемого ареала, встречается упоминание о свадебном хлебе «кукушка», который пекла невеста и по которому определяли ожидающую ее в замужестве жизнь (Польские народные песни. М., 1954. С. 109—110 — комментарий к тексту «Отведайте, люди, нет хлеба вкусней...»).

¹⁵⁰ Журавлева Е. А. Похороны кукушки. С. 32.

¹⁵¹ В статье достаточно четко указывается, что в большинстве случаев речь идет о девочках и молодых девушках (от 10 до 16 лет), однако в д. Драгунка Ивнянского р-на «помимо молодых девушек в обряде участвовали „молодайки“ — женщины, недавно вышедшие замуж, а в д. Выезжее в обряде принимали участие женщины разного возраста (вплоть до 40 лет)»; упоминается также случай исполнения обряда старухами (д. Скуратово Выгоничского р-на). Кроме того, в Белгородской обл. «на определенной стадии обряда (...) а именно когда участницы выходили на улицу и шли вдоль нее с репьем, к ним могли присоединяться мужчины, парни» (Журавлева Е. А. Похороны кукушки. С. 32).

¹⁵² Обход деревни с «кукушкой» не учитывался Е. А. Журавлевой в качестве отдельной части обряда (по материалам видно, что такой обряд не является ни снаряжением «кукушки»-репья, ни кумлением участниц, хотя в одном из приведенных комментариев участниц действия именно обход с «кукушкой», как уже говорилось, приравнивается к ее «крещению»).

¹⁵³ Журавлева Е. А. Похороны кукушки. С. 32.

¹⁵⁴ Пашина О. А. Похороны кукушки и проводы русалки. С. 37 (Брянская обл.).

рез неделю после Троицы зелень надо убрать, а то на ней русалка будет сидеть», или еще лучше — долго держать троицкую зелень в хате и во дворе было нельзя, «а то девки замуж не пайдут».¹⁵⁵

Реней может считаться переходом к следующей трансформационной ступени, когда растительный атрибут, заместивший кукушку, утрачивает свое соответствующее название. Но, хотя связь с кукушкой уже более чем условна, сам обряд в номинальном отношении ее сохраняет, что наблюдается, например, в описаниях А. Глаголева и В. Броневского: название обряда — «крещение кукушки», но об атрибуте-«кукушке» нет даже упоминания; а «крещение» в акциональном плане — обряд кумления при завитой березке или с венком.

Плетение венков на деревьях для проведения обряда кумовства может фактически дублироваться действиями во время кумления при обряде с «кукушкой» («Участницы кумления» (...) стараются наклонить березу до тех пор, пока можно захватить ее ветви, которые связывают с ветвями близрастущего дерева наподобие венка. Связавши венок, и кумятся...»,¹⁵⁶ ср. с записями того же В. Броневского (1828 г.), А. В. Терещенко (1847 г.) или Н. Иваненко (1910 г.): «Женщины идут в лес, выбирают там две молодые кудрявые березки и, нагнув их, переплетают ветвями; потом связывают платками и полотенцами, образуя из них венок, к которому привешивают два креста...»; «...идут на лужок под ракирку. Там, из веток ракирки плетут венки и вешают на них кресты, или платки, или ленты (...) двое берут венок в руки, становятся друг против друга и поют (...) и через венок целуются...» и т. д.).

Вообще в ритуальных действиях, связанных с кумлением, венкам отводилась особая роль. Не случайно Д. К. Зеленин отмечал, что из троицко-семицких обрядов к русалкам имеют отношение два — свивание и развивание венков на березах и «крещение и похороны кукушки».¹⁵⁷ Венки отличались размерами, растительным материалом, идущим на их изготовление, и своим предназначением.

Малые троицкие венки («на голову»), которые плелись из цветов, трав и тонких веток берез, делали как в связи с кумлением, так и вне этого обряда: «... (венки) из цветов (...) плетут девушки в последний вечер русальной (Троицкой) недели в лесу и вешают на деревья для русалок. Этим приношением они думают их умиловить...»¹⁵⁸ У И. М. Снегирева цель изготовления венков максимально конкретизирована: «... (в четверг на Зеленой неделе) взрослые девушки тайком ходят в лес, бросают завитые венки русалкам, чтобы они добыли им суженых и ряженых» (курсив мой. — А. Н.).¹⁵⁹

Большие венки на березах завивались для того, чтобы «русалки на них качались», причем венком такую конструкцию можно назвать лишь условно, внешне она в большей степени напоминает арку, дугу или «воротца», потому что «две соседних березки, связанные вершинками, называются (...) венками» (Смолен. губ.).¹⁶⁰ Впрочем, венок вполне мог иметь и традиционную круглую форму: «под-

¹⁵⁵ Толстой Н. И. Троицкая зелень // СБФ. 1986. С. 14 (Полесье).

¹⁵⁶ Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 276.

¹⁵⁷ Там же. С. 273.

¹⁵⁸ Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, верованиях, сказках, легендах и т. п. Т. 1, вып. 1. С. 198 (Бобруйский у.); с пояснением, что русалки примут подношение и будут бегать в венках по полям и лесам, отказавшись вредить, особенно тем, кто сделал венок.

¹⁵⁹ Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. С. 9 (малорос.), цит. по: Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 275. Очевидная развернутость семицко-троицкой обрядности на заботу о заключении девушками брачных союзов в действительности не подтверждает ведущей позиции отмечавшегося в обрядовых песнях мотива мужененавистничества; таковой следует считать оборотной стороной мотива обеспечения брака и поиска помощи в этом у максимально активных и способных к этому сил.

¹⁶⁰ Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 275; в дугах, арках и аналогичных формах из загнутых, сплетенных, связанных веток Д. К. Зеленин видел пережитки венков (С. 282); это придает венку-«кукушке» дополнительную специфику, особенно в сочетании с проповской трактовкой «заламывания» берез, пригибания их ветвей к земле, сгибания, сплетения и проч. как способов передачи силы (Пронн В. Я. Русские аграрные праздники. С. 70—77), а также с представлением о Русальной неделе (= Кривая неделя) как о времени сакральном, насыщенном запретами в связи с пре-

ходят (...) к березе, свивают из легких прутьев кольцо, несколько побольше человеческой головы (так называемый веночек)...» (Княгининский у. Нижегород. губ.),¹⁶¹ а назначение таких венков, как уже было сказано, в том, «чтобы, цепляясь за них, могли качаться русалки».¹⁶² Апотропеическая направленность здесь не очевидна, разве что вновь привести мотивировку кумовства (= «крещения кукушки»), данную Д. К. Зелениным: «Кумовство (...) заключается с такими целями: а) узнать от русалки (по венку, на коем русалка будет качаться) свою будущую судьбу; б) предоставить русалке развлечения, связанные с кумовством купальским эротическим, и вообще задобрить и успокоить русалку, чтобы она не мстила в будущем, а, напротив, помогала...»

Возможно, наиболее показательна в этом отношении запись обряда «встречи русалок» с текстом песни, сопровождавшей плетение венков: «на Троицын день девушки и молодые парни идут в поле, где есть хотя маленький лесок, там плетут венки, припевая: „На гнилой калоде, / На белой березе, / Русалки сидели, / Суки вязали. / Да на тых суках / Русалки гутали. / Красныя девачки / Ишли веночкав выть... (...) Мы веночек савьем, / Ат вас атцураемся, / Ат тых людей — / Ат русалак...“ Потом вешают эти венки на каком-нибудь дереве, в особенности на березе. Это называется *встреча русалок*. А на Петров день идут развивать эти венки, что значит — *проводить русалок* с поля в ихние жилища» (Чернигов. губ., зап. 1850-х гг.),¹⁶³ ср. с записью самого Д. К. Зеленина по Калужской губ.: «... (на Троицу женщины и девицы собираются) в роще, где, нагнув две березы, связывают макуши оных и потом, при пении, каждая хватается за эти березы рукой...», а поют: «От русалки от симицкой / Ачяртися, акружися / От лихова чилавека, / А хто лиха, лиха мыслить...»¹⁶⁴

Кумление наряду с обязательным завиванием берез, при котором происходило и ритуальное целование (друг друга, креста и / или другого ритуального объекта, например той же самой «кукушки») через / сквозь завитые ветки или над / под таковыми, включало в себя еще и обмен личными или значимыми в ритуальном отношении предметами (крестами, кольцами, платками, крашеными яйцами и т. д.), закрепляющий кумовство. Так, например, в Белгородской обл.: «Кумами становились, пройдя под ветвями берез. Для этого ветви двух соседних деревьев сплетали, а девушки по парам, взявшись за руки проходили под ними. Кумами становились также, обменявшись предметами одежды — «платьем», «всем нарядом», платками, фартуками, колечками, бусами (*снизками*). (...) иногда обменивались яйцами»;¹⁶⁵ «...кумление включало в себя ритуальное целование через цепочку (шнурок) с крестиком или через монисты, повешенные на ветку дерева в саду».¹⁶⁶

Подчеркнем, что во время последующего раскумления, обычно происходившего на Троицу (реже — на Духов день и еще реже — на Вознесение через год), совершался не только возврат полученных при кумлении личных вещей, но и *обязательное расплетение завитых ветвей берез* (курсив мой. — А. Н.).¹⁶⁷

В материалах Г. Лобковой о том, как на Псковщине готовились к троицким обрядам, есть среди прочего следующая запись: «Когда ставили березки (под окна), призывали-приголашивали: „Прилятите сереньким кукушичкым, Сядьте на бе-

быванием душ умерших в мире живых (в частности, ничего нельзя гнуть, ломать и т. п.). См.: Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 206, 278—279; Виноградова Е. Н. Мифологический аспект полесской «русальной» обрядности. С. 110, 102—103.

¹⁶¹ Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 279 (Княгининский у. Нижегородской губ.).

¹⁶² Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. С. 125.

¹⁶³ Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 274, со ссылкой на рукопись С. Есикорского (АГО, XLVI, 4); совершенно очевидным является здесь мотив завивания венков для обезвреживания русалок, для защиты от них.

¹⁶⁴ Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 275.

¹⁶⁵ Журавлева Е. А. Похороны кукушки. С. 32.

¹⁶⁶ Там же; в д. Нижние Пены крестик надо было вешать обязательно на сладкую яблоню.

¹⁶⁷ Там же. Интересно, что кумление взрослых (женщин или мужчин), как отмечала Е. А. Журавлева, происходило отдельно от девушек и, как правило, после раскумливания последних, как раз на Троицу.

леньки березыньки“ ⟨...⟩ В окно вывешивали полотенце — „родители будут утираться“. Поутру примечают — *полотенце мокрое, а на березке остаются красные пятна — это кукушкины слезы*» (курсив мой. — А. Н.).¹⁶⁸ Эти красные пупырышки (пятна), появляющиеся на листьях березы, — так называемые *кукушкины слезки* — на самом деле заболевание дерева, но в народе их происхождение обычно объясняется так: «На березе, на березовых листочках, где она ⟨кукушка⟩, видно, кукует, дак тут такие пятна красные...»;¹⁶⁹ ведь кукушка — это всем известно — «плакущая птичка», «скучная птица», «жалобная птица», «кукушка кукуе, так яна — по своем горю, так и люди — по своем горю голося».¹⁷⁰

Уже понятно, что *кукушкины слезки* на ветках и листьях березы — не то растение (и не растение вовсе), о котором далее пойдет речь. «В Калужской губ. траву „кукушкины слезки“ вырывают девушки и молодки на уже заранее отмеченном месте. Корень этой травы раздвоенный и короткий, утолщенный, каждое утолщение имеет коротенькие отростки, эти утолщения телесного цвета. Вырвав траву с корнем, ее переламывают, верхушку бросают, корень очищают от земли, одно утолщение отламывают, а другое оставляют, и короткий стебель с корнем одевают, как куклу, приняв корень за голову...»¹⁷¹

В самом деле, трава *кукушкины слезки* упоминается в описаниях чаще прочих растений, использовавшихся в изготовлении «кукушки». С этим растением много неясностей, это касается и конкретизации биологического вида (далеко не всегда понятно, какая именно таксономическая единица скрывается под названием «кукушкины слезки»), и специфики использования его в обряде.¹⁷² Известны варианты, когда:

а) растение *кукушкины слезки* целиком идет на изготовление атрибута — форма антропоморфная: «Праздничным утром отправлялись в лес искать траву „кукушкины слезки“». Вырвав с корнем парное количество стебельков, обряжали их в припасенные наряды...»; «...траву „кукушкины слезки“ вырывают...»; «...вырывают с корнем или срывают травку „кукушкины слезки“ ⟨...⟩ и делают из нее куклу — „кукушку“»;¹⁷³

б) атрибут (антропоморфной формы) изготавливается из частей *кукушкиных слезок*: «...кукушка в гробу, тулово которой сделано из стебля с корнем травы „кукушкины слезки“»¹⁷⁴ (трава *кукушкины слезки* могла использоваться не только в качестве основы, но и в качестве украшения «кукушки», наряду с цветами, собранными по пути к месту проведения обряда);¹⁷⁵

в) не антропоморфное чучело, но другие формы из / с использованием *кукушкиных слезок*: венок, свитый полностью из травы *кукушкины слезки*: «...за неимением ⟨птицы кукушки⟩ сплетают из травы „кукушкины слезы“ (*orchis latifolia*) венки...»;¹⁷⁶ венки, в состав которого непременно входила трава *кукушкины слезы*:

¹⁶⁸ Лобкова Г. Древности Псковской земли. С. 36.

¹⁶⁹ Мороз А. Б. «Боговы слезы» и «Кукушкины слезки» // ЖС. 1997. № 1. С. 33 (запись сделана в д. Старозеро Каргопольского р-на Арханг. обл.); березовые ветки с больными листьями могли на Троицу (!) класть на божницу в киот (станут осыпаться — «Бог плачет к беде»), но был также и запрет ломать ветки берез с кукушкиными слезами.

¹⁷⁰ Лобкова Г. Древности Псковской земли. С. 38 (Псков. обл.).

¹⁷¹ Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России. С. 187.

¹⁷² Для этой части статьи мною активно привлекались данные и некоторые положения работы В. Б. Колосовой по ятрышникам (*Колосова В. Б. Ятрышник* // Антропологический форум. 2007. № 6, раздел «Исследования»). С. 263—286).

¹⁷³ Снегирев И. М. (1937); Елеонская Е. Н. (1910); Кедрин Р. Е. (1912); подтверждением является также одно из наиболее известных изображений «кукушки» — рис. 2 из статьи Р. Е. Кедринной по Калуж. губ., на котором представлена антропоморфная «кукушка» из растения *кукушкины слезки*, взятого целиком: отчетливо видны соцветие, листья, стебель и корень. Но в отличие от принятого «переворачивания» растения (см. приведенную цитату из статьи Е. Н. Елеонской), когда корешок принимается за «голову», на рисунке цветонос — это «голова» «кукушки», а корешки — «ножки».

¹⁷⁴ Бернштам Т. А. Обряд «крещения и похорон кукушки». С. 180; «кукушка» — из ГМЭ; скорее всего, место изготовления — Воронежская обл., так как дается ссылка на сообщение Н. П. Гринковой 40-х гг. XX в. по указанной области.

¹⁷⁵ Сухотин С. Несколько обычаев и обрядов Тульской губ. С. 99.

¹⁷⁶ Сахаров И. П. Сказания русского народа. С. 178.

«из травы „кукушкины слезки“ сплетали венок и перевязывали его красной лентой...»;¹⁷⁷

г) растение, которое обобщенно именуется «кукушкиной травой» или «травкою того же имени (что и кукушка)», но *кукушкины слезки* это или какое-то другое растение — утверждать невозможно: «...ее (птицу кукушку) стали заменять кукушкиной травой»;¹⁷⁸ «...кум и кума, надев крестик на кукушку или на травку того же имени...»;¹⁷⁹ «„Кукушки“ (2 шт. в фондах МАЭ, кол. № 2292, поступ. в 1914 г. из г. Болхова Орлов. губ.) — антропоморфные куклы, туловом которых является стебель травы „заря“ (вид травы „кукушкины слезки“)»;¹⁸⁰

д) на изготовление атрибута «кукушки» идет другое растение, и то, какое отношение оно имеет к кукушке, остается вопросом. Другие растения прямо названы лишь в двух случаях: «кукушка»-снитка (кустик подорожника или столетника) (Дмитровский у. Орлов. губ.)¹⁸¹ и некая *заря* (г. Болхов Орлов. губ.)¹⁸² Иллюстрацией к последнему названию могут служить две «кукушки» в гробиках (фонд МАЭ), о которых писала Т. А. Бернштам. Траву *заря* она определяла как разновидность *кукушкиных слезок*.¹⁸³ По ее мнению, это «местные названия одного вида растения из семейства гвоздичных (*кукушкин цвет*), иногда его еще называют дремой, кукушкой, зорькой»,¹⁸⁴ то есть *кукушкин горюцвет*, *дрема* (*Lychnis flos cuculi L.*).¹⁸⁵

Большинство фиксаций совершенно очевидно связывают изготовление фитоморфной «кукушки» с растением *кукушкины слезки*, используемым как целиком, так и частями. Название этого растения находится в тесной связи с этимологическими легендами о происхождении самой птицы кукушки. Мотив девушки или женщины, обращенной в кукушку (как правило, за грехи), хорошо известен всем славянам, но белорусская традиция, причем непосредственно в связи с интересующими растениями, дает особенно богатый ряд этимологических легенд и рассказов. Так, например, есть рассказ про давнишнюю свадьбу, испорченную колдуном: все мужчины, включая жениха, были обращены в волков, а женщины — в сорок, невеста же превратилась в кукушку, которая с той поры носится следом за своим суженым и роняет повсюду несчетные слезы; там, где она пролетает, текут ручьи и растет трава, известная под названием «кукушечьи слезы».¹⁸⁶ Согласно другой легенде, «пышныя і прыгожыя кветкі (...) паходзяць ад слёз *язюлі*, у якую ператварылася багатая сквапная сястра, якая аплаквала ў скрусе свайго беднага брата *Максіма*, які памёр ад холаду і крыўды з-за яе сквапнасці» (пышные и красивые цветы (...) происходят из слез кукушки, в которую превратилась богатая и жадная сестра, которая горько оплакивала своего несчастного брата Максима, что умер

¹⁷⁷ Бернштам Т. А. Обряд «крещение и похороны кукушки». С. 185, дается ссылка на: Кедрина Р. Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством. С. 101 и 102 (подпись к рис. 1); Кашкаров В. М. Очерк истории церкви в пределах Калужской епархии. С. 29—30; Сахаров И. П. Сказания русского народа. С. 178 и др.

¹⁷⁸ Кедрина Р. Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки»... С. 103.

¹⁷⁹ Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. С. 65.

¹⁸⁰ Бернштам Т. А. Обряд «крещение и похороны кукушки». С. 179—180.

¹⁸¹ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 588.

¹⁸² Харузина В. Н. Обряд «крестить кукушку» в Орловской губернии. С. 140.

¹⁸³ Бернштам Т. А. Обряд «крещение и похороны кукушки». С. 179—180.

¹⁸⁴ Там же. С. 185.

¹⁸⁵ Есть основания полагать, что в этой роли выступало другое растение — *любисток* (*Levisticum officinale Koch.*). Во-первых, любисток — распространенное садовое растение, во-вторых, травянистый стебель горюцвета вряд ли пригоден к какому-либо украшению, и, наконец, в описании изготовления «кукушки» сказано, что листья оттягивали так, чтобы они походили на ручки и ножки, «а начало листа образовывали по три пальчика на ноге и на руках» (Харузина В. Н. Обряд «крестить кукушку»... С. 141), — это также очень напоминает любисток, который к тому же широко применялся в любовной магии. Известно, например, что корень *любистока*, выкопанный рано поутру в Покров (1 октября по ст. ст.), считался сильным средством для укрепления супружеских отношений (рус., вост.-полес.), ср.: корень «кукушкиных слезок» подмешивали в питье молодоженам, чтобы те жили в мире и согласии (рус.), см.: Славянские древности. Т. 2. С. 597.

¹⁸⁶ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. С. 551.

в холоде и лишениях из-за ее жадности).¹⁸⁷ Известна также легенда, по которой в кукушку превратилась обидевшаяся на детей мать: надрывалась она на работе с утра до вечера, а три ее здоровых сына делать ничего не хотели. Обиделась мать на детей и улетела от них, превратившись в кукушку. А когда обида поутихла, стало женщине жаль своих деток, да поздно было. Заплакала она горькими слезами, из которых вырос в лесу цветок — кукушкины слезки...¹⁸⁸ Отголоски этого мотива еще живы и встречаются в современных записях: «...точки крапчатые на листочках есь, вот на слезки и находит на кукушья, плачет теперя, што детей бросила, это така сказка есь».¹⁸⁹

Из последней цитаты ясно, что именно крапины на листьях, напоминающие следы от слез, объясняют название растения. Однако при рассмотрении здесь возможных коннотаций, связывающих *кукушкины слезки* с птицей кукушкой, нельзя забывать и об отличительном внешнем признаке кукушки — ее пестроте, рябом оперении. Если в обряде действительно первична птица, то «вследствие трудности достать» таковую необходимо было найти адекватную растительную замену, чтобы «изготовить» куклу в виде птицы («яе делают, как птичку...»). Соответствие не могло строиться лишь на названии растения, указывающем на его связь с кукушкой, пусть и поддерживаемую этиологическими рассказами. Скорее всего, оно должно было быть подкреплено каким-нибудь общим для птицы и растения характерным внешним параметром — например, схожей пестротой оперения и листьев. Логично заключить, что обрядовый символ делали из травы *кукушкины слезки* «по аналогии с названием травы и потому, что она такая же рябая, как кукушка».¹⁹⁰ Этот вывод вполне подтверждается, например, описанием из официального определителя растений: «Ятрышник пятнистый, или Кукушкины слезки (*Orchis maculata* L.). Травянистое растение с толстым трубчатым стеблем, листьями с темными пятнами...» (ср. с фрагментами описаний из старых травников: «Есть трава нукокея (?). Растет по березникам синя и *пестра*, листочки долгоньки, что язычки...» (рус., повсем.);¹⁹¹ «...растет по перелескам, синя, а иная *пестра*, *листки пестреньки*, что языки. На них с верхней стороны *крапины*...» (о траве *какуй*, Владимир. губ.) и т. д. (курсив мой. — А. Н.).

В исследовании, посвященном фитонимам, образованным от названий животных и птиц, С. Ю. Дубровина отметила, что «большинство названий растений орнитологической лексико-семантической подгруппы „кукушка“ принадлежит травмам семейства орхидных или близких орхидным семействам, например семейству касатиковых. (...) Внешние особенности растений, время цветения, употребление мифологизированы и ставятся в зависимость от оперения и условий жизни птицы (кукушки). Самым распространенным и мифологически значимым является термин „кукушкины слезки“».¹⁹²

В действительности «кукушкиных» имен среди орхидных очень много; приведем для примера лишь некоторые — те восточнославянские названия растений, что связаны с именем птицы, с ее слезами или с окрасом: *язюльки* (бел.), *язюльки жовты* (малорос.); *рябыя зозульки*, *ряби зозюльки* (малорос.); *красни зязюльки* (малорос.); *серенькая зязюля* (Чернигов.), *зозульки*, *зозулены слезки* (укр.), *кокушка*

¹⁸⁷ Беларуская міфалогія: Энцыклапедычны слоўнік / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. Мінск, 2004. С. 198.

¹⁸⁸ Содержание легенды приводится по: Будар Н. Повседневная жизнь колдунов и знахарей. М., 2008. С. 260.

¹⁸⁹ Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000. С. 115.

¹⁹⁰ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. С. 200. Запись, сделанная Е. Н. Елеонской в 1910 г. от 76-летней старухи, вполне подтверждает это заключение: «...в старину тоже крестили кукушку: сажали рябенькую травку — кукушку...» (*Елеонская Е. Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. С. 187; Жиздра Калуж. губ.).

¹⁹¹ Из работы В. М. Флоринского «Русские простонародные травники и лечебники» (М., 1895). Цит. по: Будар Н. Повседневная жизнь колдунов и знахарей. С. 390.

¹⁹² Дубровина С. Ю. Русская ботаническая терминология в этнолингвистическом освещении (на материале названий растений, образованных от названий животных и птиц): Канд. дисс. МГУ, 1991. С. 16–17.

(Орлов.), *кокушник* (б. м.); *зозулины слезки*, *зозулины слёзи* (малорос.); *кукушкины слезки* (Москов. и др.), *кукушница двулистная* (б. м.), *зязюліны слёзкі*, *кокушник*, *кукушник*, *кукушкины слезки* (бел.)¹⁹³ и т. д. Среди перечисленных есть названия растений, хорошо знакомые по описаниям обряда «крещения и похорон кукушки», т. к. они служили материалом для изготовления обрядового атрибута: *кокушка* (вариант — *кукушка*, она же *дрема* или *заря*, по мнению Т. А. Бернштам), *кокушник* (вариант: *кукушник*) и, разумеется, *кукушкины слезки*.

«Самый распространенный и мифологически значимый» фитоним в действительности оказался настоящей проблемой: ранее уже упоминались *кукушкины слезки*, но с различными сопровождающими их принятыми систематическими названиями — *Orchis latifolia* L. (**ятрышник широколистный**), *Orchis maculata* L. (**ятрышник пятнистый**) и *Platantera bifolia* L. (любка двулистная).

Р. Е. Кедрина, например, указывает, что в Козельском у. Калужской губ. использовали *кукушкины слезки* (*Orchis latifolia* L.),¹⁹⁴ и, судя по совпадению обоих названий (бытового и систематического), о том же растении ранее писал И. П. Сахаров¹⁹⁵ в отношении «кукушки»-атрибута, изготавливаемой в Калужской и Тульской губ. (заметим, что некоторые исследователи считали, что под этим названием имеется в виду другое растение — *кукушкины дары*¹⁹⁶). А *Orchis maculata* L. — другой вид ятрышников, но как раз его обычно указывают в определителях как *кукушкины слезки*.¹⁹⁷ Что касается *любки двулистной* — *Platantera bifolia* L. (вариант: *любимка*, *любовное зелье*), в народном сознании она также нередко сливается с *кукушкиными слезками*; во всяком случае именно ее систематическое название было приведено в письменном варианте белорусской легенды о появлении растения из слез сестры, оплакивающей погибшего по ее вине брата (см. выше). Естественно напрашивается вывод: все чрезвычайно запутано, и разобраться в том, что за растение на самом деле шло на изготовление «кукушки», практически не представляется возможным.

Попытки авторов некоторых описаний подкрепить принятое местное название названием систематическим (на латыни) вносило еще большую сумятицу, поскольку большинство фиксаций ограничивалось лишь местным названием, диалектным фитонимом. Чтобы определиться, о каком растении идет в таких случаях речь, особое значение приобретали подробное внешнее описание, характерные особенности, информация о том, в каких местах растение произрастает, и т. п. Так, в Перемышльском у. Калужской губ. «кукушку» делали из травы *кукушкины слезки*, корень которой «раздвоенный, короткий, утолщенный; каждое утолщение имеет коротенькие отростки, эти утолщения телесного цвета»;¹⁹⁸ в с. Кочеты Новосильского у. Тульской губ. траву *кукушкины слезки* искали «на ржавчике», то есть на болотистом месте,¹⁹⁹ характерном для семейства ятрышников, и т. д.

Но и описания нужного растения, какими бы неполными и условными таковые ни казались, приводились далеко не всегда. Обычно ограничивались указанием названия растения, причём названием местным (которое, как это часто случалось, не совпадало с официально принятым); соответствующего ему систематического названия не было, не было вообще ничего, способного внести ясность в определение используемых в обряде растений. Примеров тому можно привести немало.

¹⁹³ Анненков Н. Ботанический словарь. СПб., 1876. С. 120, 161, 196, 260, 316.

¹⁹⁴ Кедрина Р. Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством. С. 102. Согласно недавней информации, на одном из международных ботанических конгрессов было принято решение более не пользоваться систематическим названием *Orchis latifolia* L., поскольку невозможно четко определить, какое именно растение следует под ним подразумевать (личное сообщение: П. Г. Ефимов, канд. биол. наук, Ботанический ин-т РАН).

¹⁹⁵ Сахаров И. П. Сказания русского народа. С. 86.

¹⁹⁶ Потанин Г. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы // ЖС. 1899. Вып. 2. С. 233.

¹⁹⁷ Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. С. 115—116.

¹⁹⁸ Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России. С. 152.

¹⁹⁹ Сухотин С. Несколько обрядов и обычаев Тульской губ. С. 98.

Так, в Шигровском у. Курской губ. участницы обряда искали растение *кукушку*, выпалывали вокруг него траву, затем вырывали и наряжали;²⁰⁰ в Орловской губ. крестик надевали «на кукушку (имеется в виду птица. — *А. Н.*) или на *одноименную с ней травку*»;²⁰¹ а в Белгородской обл. «кукушку» делали «из особого растения, которое называется *кокушка*»²⁰² и т. д. Исходя из приведенных фрагментов можно только предполагать, что «одноименная травка» — это растение *кукушка*, а *кокушка* является вариантом последнего; впрочем, нельзя быть уверенным, что во всех трех случаях речь идет об одном и том же растении. К тому же какое именно растение имеется в виду под названием *кукушка* — трава *кукуй*, *кукушник*, *кукушкины слезки*? Или, может быть, это вообще другое растение?

Всем этим растениям (в частности, их корням) приписывалась способность влиять на супружескую любовь, делать брак счастливым или проявлять себя как средство для «плодности»:²⁰³ «В некоторых случаях пожилая женщина, руководившая обрядом, забирала по завершении действия „кукушку“ себе, поскольку корню растения приписывалась особая сила — „если где-нибудь жена с мужем живут не в ладу, мужа поят настоем этого корня“, причем черный корень обозначал мужа, а белый — жену».²⁰⁴ Кроме того, участвовавшие в обряде молодые женщины по корню вырытого растения гадали о поле будущего ребенка: длинный корень предвещал мальчика, а круглый — девочку.²⁰⁵ Наконец, корень могли потом просто хранить «на счастье» в семейной жизни (Мещовский у. Калуж. губ.).²⁰⁶

Эти верования, судя по всему, некогда широко распространенные, в полной мере подтверждаются материалами народных травников. И там корни растений *кукуя*, *кукушника*, *кукушкиных слезок* и некоторых других из их семейств²⁰⁷ рекомендуются к использованию в сходных с обозначенными целях: как приворотное / отворотное средство, средство для / против плодности, кантаридное (то есть афродизиак) и т. п.

В текстах травников, как и в устных предписаниях, непременно и весьма обстоятельно указываются нужные признаки корня растения, которые играли решающую роль в обретении зельем ожидаемого эффекта: количество, форма и цвет корешков (клубней), их расположение, парность и т. д. Так, например, в одном из текстов об употреблении травы *кукуй* для обретения лада в семье сказано, что клубневые отростки корня должны переплетаться друг с другом, подобно любящим супругам: «А естли жена мужа не любит, истолки белого корешка и дай в питье или в еже съесть, то любить будет. А естли муж жены не любит, дай черного корешка съесть, то друг друга любить будут. Да смотри, таких давай, чтобы малые корешки сплелись вместе».²⁰⁸ А в другом тексте говорится, что корень нужен один, но делят

²⁰⁰ Громыко М. М. Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVIII—XIX вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII — начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 16.

²⁰¹ Снегирев И. М. Русские народные праздники и суеверные обряды. С. 98.

²⁰² Журавлева Е. А. Похороны кукушки. С. 32.

²⁰³ Не стоит забывать, что в Троицу было принято не только украшать всякого рода зеленью дворы и дома, но и отправляться на сбор зелени и трав; обобщенно травы определялись как лекарственные, однако же среди них нередко упоминались *полынь*, *любисток*, *хрен* и *чеснок* (а также *заря*), которые считались действенной защитой от русалок. Из всех восточных славян верования в целебную силу троицких трав особенно были распространены у украинцев, белорусы в большей степени верили в способность «мая» (устанавливаемых у домов березок) защищать посевы и способствовать росту злаков и овощей. У русских, по сообщению В. К. Соколовой, к концу XIX в. на троицкую зелень смотрели главным образом как на украшение, и лишь единичные сведения сохраняют информацию, что троицкую зелень использовали как лекарство. См.: Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. С. 189—190.

²⁰⁴ Кедрина Р. Е. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством. С. 107—108.

²⁰⁵ Там же. С. 108.

²⁰⁶ Кашикар В. М. Очерк истории церкви в пределах Калужской епархии. С. 74.

²⁰⁷ Одни исследователи относят эти растения (в частности, *кукушник* и *кукуй*) к орхидным, другие — к ятрышникам; все представляется крайне запутанным, и обращение к старинным травникам, надо признать, ожидаемой ясности не вносит.

²⁰⁸ Текст о траве *кукуй* (РНБ. Ф. VI.16. Л. 9 об. № 84) цит. по: Инполитова А. Б. Исследования фольклора и этноботаники: Русские рукописные травники XVII—XVIII вв. М., 2004. С. 223. Белый и черный

его на двоих, и цель все та же: чтобы муж и жена любили друг друга, им давали расщепленный на две части корень растения *какуй* (Владимир. губ.).²⁰⁹

Еще в одном тексте *кокуй* является средством от так называемой невстанихи (или, как еще этот недуг определяли знахари, от «порчи свадеб»), хотя в самом «рецепте» очевидна амбивалентная направленность в его использовании: «...корешков два, въподобие ручек с пальцами, один бел ядерной, а другой вял черен. Пригодна у кого не стоит мехирь, дай белого ядерного корешка съесть, то будет стоять, а естли вялого дашь, то стоять не будет»²¹⁰ (здесь корни противопоставляются и по цвету, и по плотности).

Аналогичная ситуация наблюдается по сути дела и с различными экземплярами *кокушника*: корешки-клубни рассматривались в зависимости от их взаимного положения (по принципу имитативной магии) как приворотное или отворотное средство. Поскольку формой клубни кокушника — их, как правило, два — отдаленно напоминали ладони рук, в некоторых местах (например, в Казанской губ.) растение получило название *люб-трава*, *любовны ручки*. Для приворота использовались экземпляры, у которых «ручки» (два клубня) были обращены друг к другу, если же «ручки» смотрели врозь, то растению приписывали противоположное свойство — отворачивать. «Означенным растением поят также неродих (бесплодных женщин) для плодности».²¹¹ Похоже, что в Сибири это же растение (*кокушник*) было известно как *чертова ручка*, *пятилапка*, *ладошка*. Про него говорили, что «девки корнем (клубнем) ребят заедают. Если у травы только одна лапка и ее съесть, то детей не будет; если у травы две ладошки, то съешь их и принесешь двойни...».²¹²

Завершая речь о применении ятрышника в любовной магии, добавим, что в Ярославской губ., чтобы узнать пол будущего ребенка, выдергивали растение *кукушкины слёзы* с корнем и смотрели: «если на корне ее два отростеля, то женщина родит девочку; а если три, то мальчика»;²¹³ на мужчину же растение влияло, по мнению пошехонцев, пагубно: «*кукушка* — корень ее производит у мужчин половое бессилие»²¹⁴ (ср.: в восточной Польше растение *kukawka* (ятрышник) использовалось мужчинами от бесплодия²¹⁵).

Подведем итоги. Вопрос, зачем крестить кукушку, конечно же, является риторическим. Ответ на него стал бы ответом о предназначении обряда «крещения и похорон кукушки». Однако вынесен этот вопрос в заголовок статьи не случайно: по нашему глубокому убеждению, смысл обряда кроется в семантическом поле культурного образа-символа кукушки. Сверхустойчивость имени-названия обрядового атрибута, остающегося неизменным, несмотря на все происходившие с обрядом изменения, выглядит необоснованной, если оно не аккумулирует в себе сути обряда.

Уже ясно, что самые ранние фиксации застали обряд «крещения и похорон кукушки» далеко не в «нулевой» позиции, но на очередной проходной ступени, когда основные, заложившие базу обряда связи, судя по всему, уже были утраче-

корешки, упомянутые в травнике, разного времени: клубень свежий (текущего года) — более светлый и крепкий, а темный и подвявший — прошлогодний, перезимовавший.

²⁰⁹ Славянские древности. Т. 2. С. 597.

²¹⁰ РНБ. Ф. VI.16. Л. 9 об. № 84; цит. по: *Ипполитова А. Б.* Исследования фольклора и этноботаники. С. 227.

²¹¹ *Крылов П.* Некоторые сведения о народных лекарственных средствах, употребляемых в Казанской губ. // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Казань, 1882. Т. XI, вып. 4. С. 35—36.

²¹² *Уткин Л. А.* Заметки по народной медицине: Представления и народные верования, связанные с растениями, в бывш. Томской и Алтайской губ. // Сибирская ЖС. Иркутск, 1928. Вып. 7. С. 94.

²¹³ *Архангельский А.* Село Давшино Ярославской губернии, Пошехонского уезда // Вестник ИРГО. 1853. Ч. VII. Кн. 1—2. С. 59.

²¹⁴ Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева. СПб., 2006. Т. 2: Ярославская губ. Ч. I: Пошехонский у. С. 190.

²¹⁵ *Niebrzegowska Sł.* Przestrach od przestrazy. Rośliny w ludowych przekazach ustnych. Lublin, 2000. S. 148.

ны, что позволило ему вполне успешно интегрироваться в семицко-троицкий обрядовый цикл. С одной стороны, это дает возможность с уверенностью говорить о давнем, вопреки устоявшейся точке зрения, происхождении обряда «крещения и похорон кукушки» (для этого начального периода, наверное, правильнее было бы именовать его обрядом «с кукушкой»). С другой стороны — оставляет только высказывать догадки о том, какие именно верования могли послужить мотивационной основой для его создания и практики. Однако то, что таковые должны быть связаны с развитыми на территории бытования обряда представлениями о птице кукушке, сомнений не вызывает. Соответственно не может вызывать сомнений и первичность орнитоморфного облика атрибута-«кукушки».

Вполне возможно, что обряд «с кукушкой» сложился как вариант древнего обычая защиты от прилетающих по весне птиц, о сохранившихся формах которого на Кавказе писал в 1950 г. Д. К. Зеленин.²¹⁶ Тем более что «столкновение» человека с птицей, породившее рассматривавшийся обычай, понималось главным образом как слуховое восприятие издаваемых птицей звуков. Кукушка со своим кукованием в этом отношении беспрецедентна. Дошедшие до наших дней бытовые верования ярко демонстрируют убежденность земледельца во влиянии периода активности кукушки, времени ее кукования на плодородие земли и скота, хотя Д. К. Зелениным высказывалось предположение, что отношение людей к перелетным птицам в рассматривавшихся обычаях может быть гораздо древнее земледелия, он считал такое отношение чисто тотемическим. И надо сказать, что пласт мифологических представлений о кукушке (связь с миром мертвых, оборотничество, женская природа, мотив проклятия, особые функции голоса и многое другое) вполне позволяет всерьез рассматривать идею нейтрализации опасных свойств кукушки в целях обеспечения и стимулирования жизненных сил природы и человека как базовую для возникновения обряда. Слабые подтверждения такой возможности демонстрирует предметный код — упоминания об использовании в обряде в прежние времена «настоящей птицы кукушки». С акциональным и вербальным кодами приходится быть не менее осторожным, так как произошедшие в результате трансформаций изменения привели к замещениям и потерям. Так, в отношении обрядовых действий, быть может, возможно допустить понимание совместной трапезы участниц обряда с кукушкой как способа ритуального «заедания» опасности или «кормления» источника таковой (еда, как известно, распространенный оберег). Что касается обрядовых текстов, то за исключением единичных, которые могли бы быть позиционированы как ритуальные призывы, древние инвокации, о чем, к примеру, писали О. М. Фрейденберг или Т. А. Агапкина,²¹⁷ таковые оказались замещены текстами, связанными с кумовством.

Как уже было сказано, к моменту начала фиксирования обряд находился на стадии уже состоявшейся интегрированности в обрядовую систему семицко-троицкого цикла, органично влившись в обряды троицкого кумления. Обряд стал именоваться «крещение кукушек и кумованье», «кумовство над / под / с кукушками», а его акциональный и вербальный коды, как показывают описания, практически полностью адаптировались к Семику и Троице вплоть до исчезновения надобности в орнитоморфной «кукушке»: обрядовый атрибут оказался или заменен растительными атрибутами троицкого кумления, или максимально к ним приближен. В этой связи стоит отметить, что для идентификации обрядового атрибута как «кукушки» вместо доминирующей традиционно звуковой характеристики вводится характеристика визуальная (природная пестрота или рябость растительного материала, идущего на изготовление атрибута, или опосредованная через пестрые следы кукушкиных слез связь «кукушка — изображающее ее растение»).

²¹⁶ Зеленин Д. К. Пережитки древних воззрений о демонических птицах у народов Кавказа // Зеленин Д. К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре. 1934—1954 / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Т. Г. Ивановой. М., 2004. С. 222—236.

²¹⁷ Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1936; Агапкина Т. А. Этнографические связи календарных песен: Встреча весны в обряде и фольклоре восточных славян. М., 2000.

Как ни странно, но при всей условности связи с птицей кукушкой атрибут продолжал именоваться «кукушкой», и в названии обряда «кукушка» упорно сохранялась, даже в случаях полного исчезновения атрибута и отсутствия проводимых с ним действий (см. записи Е. Н. Елеонской²¹⁸ по Тульской губ., где обряд полностью разложился до обычного гулянья молодежи на Троицу).

Д. К. Зеленин, рассматривая обряд «крещения и похорон кукушки» как обряд троицкого девичьего кумления, прочно связал его с русалкой и тем самым — с культом «заложных» покойников. На фоне неразрывно связываемых с Семиком и Троицей поминальных обычаев представления о связи кукушки с миром мертвых получили свежую подпитку, дав толчок интерпретации обряда в дополнительном ракурсе. С этого момента в «кукушке»-атрибуте подразумевались характеристики, отвечающие сразу нескольким важным позициям семицко-троицкого обрядового цикла, поскольку очевидна направленность семицко-троицко-русальских ритуалов на умиротворение душ умерших (как родителей, так и беспокойных) и в конечном счете на обеспечение с их помощью плодородия и благополучия, включая молодых и девушек «на выданье», готовых к вступлению в брак.

Период Семика и Троицы отличала обрядовая поливалентность: это было время максимальной ритуальной девичьей / женской активности (ритуалы заключения половозрастных союзов); время всплеска активности природной энергии (ритуалы, связанные с введением ее в созидательное русло); контактное время — время снятия и установления границ между мирами (ритуалы умиловительные и проводные).

Очевидно, что мотив похорон «кукушки» и мотив похорон «кукушки»-невесты появились и оформились в обряде «крещения и похорон кукушки» позднее и по отдельности.

Первый начал активно разрабатываться по аналогии с группой обрядов аграрно-производящих похорон или проводных, совпадающих (или почти совпадающих) по времени с периодом активности птицы кукушки и временем проведения обряда «крещения и похорон кукушки». Вербальный план части похорон оказался слаборазвитым или неразвитым, исключение составили фиксации единичные, что называется, точечные и позднего времени, где разыгрывался аналог обряда похорон с формами ритуального плача (см. материалы В. Н. Харузиной (Орлов. губ.) и Е. А. Журавлевой (Белгород. обл.), а также сообщение М. С. Альтшулер (Калуж. обл.)).

В акциональном отношении похороны «кукушки» обнаружили отличия, дающие возможность полностью не идентифицировать их с аграрно-производящими похоронами, что называется, общего типа:

— первым отличием надо считать стремление к соблюдению тайны места и самого погребения (нередко «кукушку» хоронили отдельные выборные из участниц — одна-две знающие девушки / женщины, и тайна могла сохраняться ими в том числе и от товарок);

— вторым отличием было то, что под «похоронами» вообще нередко подразумевалось стремление не уничтожить, а скорее скрыть, спрятать «кукушку»; можно, конечно, трактовать это как ритуальное выпроваживание — оставление «кукушки» на ветке березы (там же, куда ее поместили на время проведения кумления);

— третьим отличительным моментом являлось несвойственное аграрно-производящим похоронам принятое откапывание погребенной «кукушки».

Что касается самого обрядового атрибута, возможно, будет правильным считать, что именно развитие части «похорон кукушки» способствовало появлению антропоморфной формы обрядового атрибута. Здесь необходимо отметить, что «кукушка»-покойница всегда без исключений оформлялась как персонаж женского пола, чей возрастной показатель мог варьироваться от девочки / девушки брачного возраста до молодки или вдовы. При этом чем к более раннему времени

²¹⁸ Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России.

относится фиксация «похорон», тем обычнее видеть оформление «покойницы» как женщины старшей возрастной группы, вдовы.

Мотив похорон «кукушки»-невесты все-таки следует считать получившим оформление в работе Т. А. Бернштам (1981 г.), хотя предпосылки к этому были — в числе прочего и обращение к теме троичных половозрастных союзов (см. об этом работы В. Я. Проппа, В. К. Соколовой, Н. И. Толстого, Л. Н. Виноградовой). Но полностью представление о «кукушке»-невесте, которую «крестят» и «хоронят», сложилось в описаниях последнего времени (см. работы Е. А. Журавлевой, М. С. Альшутер, Н. Русановой).

Исследователи этого периода отмечают, что в большинстве случаев принятые названия уже не отражают действий, реально производимых с «кукушкой» во время обряда; и потому общепринятое название обряда «крещение и похороны кукушки» стало условным.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Описание публиковавшихся изображений

(рисунков, фотографий, современных реконструкций) атрибута-«кукушки»

Первыми даны два наиболее известных, неоднократно воспроизводившихся изображения «кукушки», впервые опубликованные в статье: *Кедрина Р. Е.* Обряд «крещения» и «похорон кукушки» в связи с народным кумовством // ЭО. 1912. № 1/2. С. 101—139.

Илл. 1. (Калужская губ., Козельский у.). Рисунок выполнен *Р. Е. Кедриной*, пожертвован через редакцию «Этнографического обозрения» Дашковскому этнографическому музею. Простой карандаш (?), четкость прорисовки очень хорошая.

«Кукушка» — настоящая кукушка (чучело?), единственное изображение, где обрядовый атрибут представлен птицей, причем соответствующей, наряженной в обрядовый костюм (наряд женский).

На кукушке белая с долгими рукавами широкая рубаха старинного кроя (шушка? шушпан?), без характерного для обычных каждодневных женских рубах разделения на рукава и станушку, с широким подолом (с расширяющимися клиньями?) и, насколько можно судить, без поликов; у рукава имеется характерное сужение книзу.

На голове однотонный темный платок (в авторской подписи к рисунку цвет не указан, хотя в тексте работы говорится, что платок *всегда* черный), повязанный косынкой — узкие концы вперед, узел под «подбородком»; надет «внахмурку» (или «кукушкой»).

Пояс, сарафан, передник и иные элементы костюма отсутствуют.

Илл. 1

Илл. 2. (Калужская губ., Козельский у.). Рисунок также выполнен *Р. Е. Кедриной* и пожертвован через редакцию «Этнографического обозрения» Дашковскому этнографическому музею. Простой карандаш (?), четкость прорисовки очень хорошая.

«Кукушка» — растение *кукушкины слезки* (Ятрышник пятнистый, *Orchis Latifolia L.*), взятое целиком: видны цветонос, листья в пятнышках, концы корешков.

Обряжена «кукушка» в девичий / женский наряд: выглядящую традиционной белой рубашку с длинными рукавами, без кружев, вышивки и прочих украшений, и однотонный сарафан на широких лямках. Силуэт четкий, штриховка негустая, но швы не прорисованы, за исключением явно подрубленного подола, поэтому можно лишь сказать, что крой сарафана должен быть совсем простым: возможно, здесь изображен так называемый синяк, но, что наиболее вероятно, это круглый сарафан.

На «голове» светлый (чисто белый?) головной платок, повязанный косынкой (концами вперед, узел «под подбородком»).

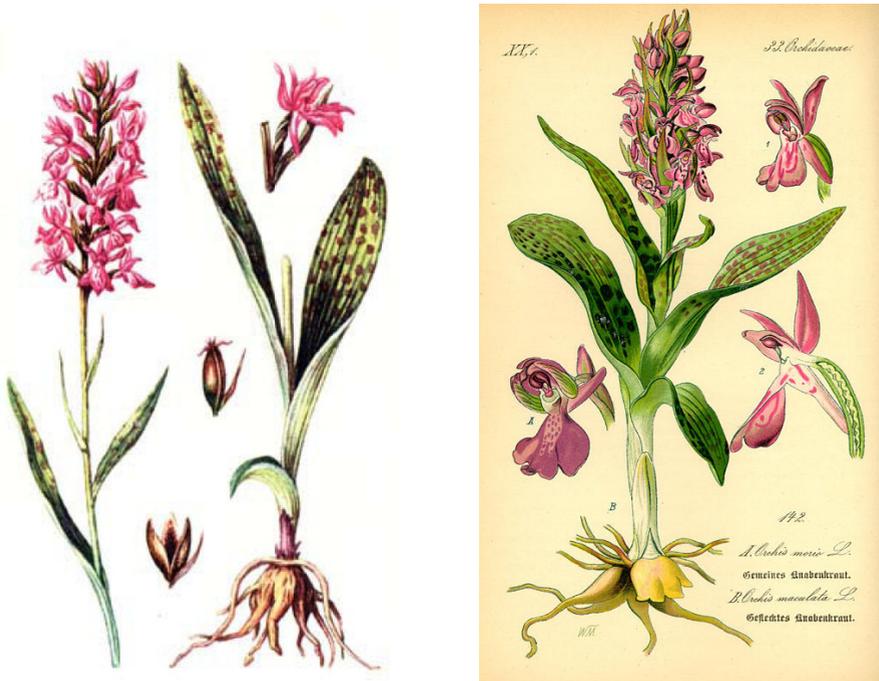
Пояса, передника и других возможных элементов костюма нет.

Илл. 3. Две страницы из травников с традиционным подробным изображением всех частей растения: слева — *ятрышник широколистный* (*Orchis Latifolia L.*); справа — *ятрышник пятнистый* (*Orchis maculata L.*).

Оба изображения приводятся нами для сравнения с предыдущим изображением обряженного атрибута. Сомнения в том, что на рисунке Р. Е. Кедринной фито-«телом» «кукушки» является именно ятрышник, при сопоставлении уходят. И очень похоже, что это ятрышник широколистный. Кроме точного изображения растения

Илл. 2

Илл. 3

на рисунке Р. Е. Кедрина в тексте дает его бытовое название, принятое в Козельском у., — *кукушкины слезки*, и приводит название официальное — *Orchis Latifolia*.

Илл. 4. (Калужская губ., Козельский у., село Ильинское). *Воспроизведение фотографии, сделанной Р. Е. Кедринной в 1909 г. и подаренной через редакцию «Этнографического обозрения» Дашковскому этнографическому музею.* Это первая из трех иллюстраций, данных в работе Р. Е. Кедринной, но известно это изображение гораздо меньше. *Качество воспроизведения снимка нельзя назвать удовлетворительным.*

Из-за высокой контрастности костюм атрибута виден более или менее четко, но из чего изготовлен сам атрибут, на снимке практически не определить. В подписи к иллюстрации Р. Е. Кедрина указывает, что «кукушка» в дан-

Илл. 4

Илл. 5

ном случае — трава «кукушкины слезки», одетая в красный sarafan и в красный же платок. С определенным напряжением и по аналогии с предыдущим кедринским рисунком (см. илл. 2) можно заключить, что трава также была использована целиком: платок надет на цветонос (что объясняет конусообразную форму «головы»); из рукавов белой рубашки виднеются кончики листьев (?), а из-под подола sarafana торчат хвостики корешка (?).

На лямках sarafana завязаны ленточки разного цвета; есть ли пояс, сказать с уверенностью нет никакой возможности: вроде бы справа угадывается бахрама...

Илл. 5. (Калужская губ., Перемышль-ский у., д. Шамордино). *Фотография, сделанная летом 1911 г., принадлежавшая Е. Н. Елеонской и «пожертвованная через редакцию „Этнографического обозрения“ Дашковскому этнографическому музею»* (воспроизведение снимка, данного в статье: *Елеонская Е. Н.* Крещение и похороны кукушки в Тульской и Калужской губерниях // ЭО. 1912. № 1/2. С. 151). *Качество воспроизведения в статье — хорошее.*

«Кукушка» растительного происхождения (подпись к снимку: «„Кукушка“ — трава, одетая и положенная в гроб для похо-

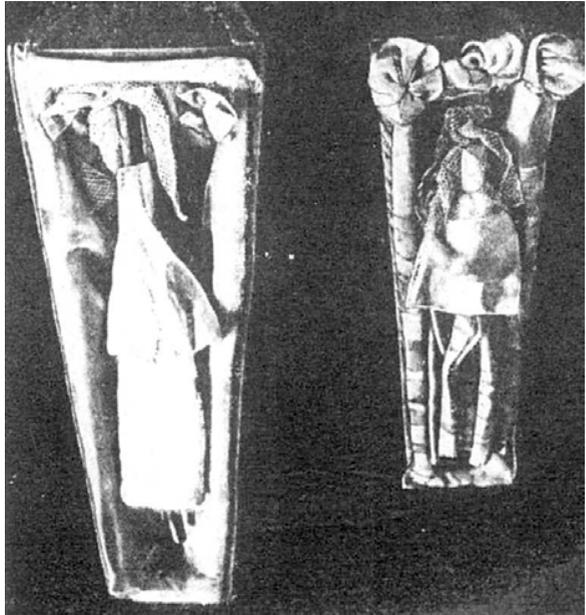
рон»); по описанию, данному в тексте, «тело» атрибута составили стебель с корнем травы *кукушкины слезки*.

«Кукушка» одета в девичий / женский наряд: чисто белая (?) рубаша с широкими, отделанными кружевом (?) рукавами; цветной, по-видимому, круглый сарафан (если судить по форме, которую он принял, «кукушка» опоясана, хотя самого пояса не видно).

Белый платок, судя по всему, не повязан, но подвернут и сколот (?) под «подбородком». Передник не надет, так как, по данному в тексте объяснению информанток, «в фартуках не хоронят».

Согласно описанию, на «кукушке» должен быть надет маленький крестик, но здесь скорее «образок» (на ленточке? на шнурке?), имеющий круглую форму, с каймой — расходящимися лепестками или лучами.

«Руки» «кукушки» сложены на «груди», как и положено покойнице. Гроб, в соответствии с тем, как он описан в работе В. Харузиной по Орловской губ., набит соломой, а подушка в изголовье вышита (?) разноцветными цветочками.

Илл. 6

Илл. 6. (Орловская губ., г. Болхов). *Фотография, представленная в известной статье Т. А. Бернштам «Обряд „крещение и похороны кукушки“» (Сб. МАЭ. Л., 1981. Т. 37: Материальная культура и мифология / Под ред. Б. Н. Путилова. С. 179—203). В подписи к снимку (с. 180): «Изображение двух „кукушек“ в гробиках. Колл. № 2292». Фотография черно-белая, качество изображения — среднее.*

Обе «кукушки» изготовлены в начале XX в. одним автором; обе растительного происхождения, их туловища — обломанные стебли травы *заря* (каковая, как указывает Т. А. Бернштам, является разновидностью растения *кукушкины слезки*).

Гробики «как настоящие»: выполнены весьма тщательно, обиты и украшены розетками.

«Кукушки» «наряжены в платье с пелериной из розовых лоскутков и в головной убор типа фаты из кусочков тюля».

У «кукушки» слева из-под платья виден конец стебля: основу составляет раздваивающийся стебель, «рогатка» «рожками» вниз (?).

Традиционный набор одежды отсутствует, как и указываемые обычно дополнительные элементы, такие как передник, пояс, крестик и т. д.

Илл. 7. (Орловская губ., г. Болхов). *Еще одна фотография из опубликованных в работе Т. А. Бернштам: «Кукушка в подвенечном уборе» (рис. 3, с. 184) — увеличенное изображение*

Илл. 7

Илл. 8

может считаться адекватным в качестве обрядового, и не является ли это еще одним косвенным подтверждением нахождения обряда на стадии распада...

Илл. 8. (Калужская обл., Людиновский р-н, д. Черный Поток). Фотография «кукушки» в гробу, сделанная Э. Блейк в 1995 г., к статье «Кукушка» (Энциклопедия суеверий / Сост. Э. и М. А. Рэдфорд (англ.), Е. Миненок (рус.). М., 1995. С. 220). Качество воспроизведения очень плохое.

«Кукушка», насколько можно судить, — тряпичная антропоморфная кукла, уложенная в гроб, готовая к обряду похорон. Тюлевое покрывало, подушечка и прислоненная к изголовью крышка гроба с большим крестом видны лучше всего.

Все остальное по большей части только угадывается: светлая рубашка (с расшитыми в нижней части рукавами?), темный сарафан (?), с правой стороны на покрывало выбился конец пояса (?), белый головной платок повязан косынкой.

Скорее всего, это всего лишь дефект воспроизведения, но кажется, что у «кукушки» есть лицо...

Илл. 9. (Калужская обл., Людиновский р-н). «Кукушка». Автор — А. Ш. Строк. Фотография взята из иллюстраций к статье: Строк А. Ш. «Похороны кукушки» и «кукушечник» в Калужской области // ЖС. 1999. № 4. С. 5—7.

Современная авторская работа-реконструкция. Насколько можно судить, изображение соответствует тому принципу изготовления «кукушки», какой был в ходу в деревнях Людиновского р-на; принцип весьма оригинальный и представляет, на наш взгляд, несомненный интерес.

вынутой из гроба «кукушки», той, что на предыдущем снимке находится слева. *Качество изображения — хорошее.*

«Тело» «кукушки», как уже было сказано ранее, — стебель *зари* (довольно толстый, деревянистый), — только стебель, листьев нет, верхушка и корень обрезаны; размер стебля, согласно описанию из статьи В. Харузиной, «в пол-аршина».

«Подвенечный наряд» выполнен добротно: на приближенном изображении становятся видны аккуратные швы на «платье» и на «пелерине», края подрублены — все говорит за то, что это не тряпочки, но действительно «специально и заранее сшитый костюм».

Несколько съехавшая набок «фата», которая (если опять же сослаться на работу В. Харузиной) по идее должна считаться «саваном», завязана узелком, по-видимому, для придания ей нужной объемной формы.

Вопрос в том, насколько наряд, сделанный явно в соответствии с городской модой,

Илл. 9

По словам автора, это была тряпичная кукла, которую «не шили, но сворачивали из кусков холста и пеленали, как младенца. Для этого брали квадратный кусок хорошей холстины (на ширину полотна); на него для объема укладывали несколько таких же или чуть меньшего размера кусков ветоши. Затем, подвернув один из краев квадрата наизнанку, от середины этого края начинали формировать голову куклы, подминая и заворачивая излишки материи внутрь. Для закрепления голову перетягивали нитками и принимались за формирование туловища: главной задачей при этом являлось спрятать все срезы и мохры внутрь, скрутить ветошки и аккуратно прикрыть их верхним холстом так, чтобы получилось столбообразное тело, которое перевязывали нитками. Кукла готова. Углем или карандашом ей рисовали личико, повязывали ярким платком, а саму свивали в ненужный головной платок» (*Строк А. Ш.* «Похороны кукушки» и «кукушечник»... С. 6).

Илл. 10. (Калужская область, Куйбышевский р-н). «Кукушка» и «кукун», реконструкция «по описаниям старожиллов», автор — А. Ш. Строк. Воспроизводится снимок, размещенный в упомянутой выше статье «„Похороны кукушки“ и „кукушечник“ в Калужской области». С. 6.

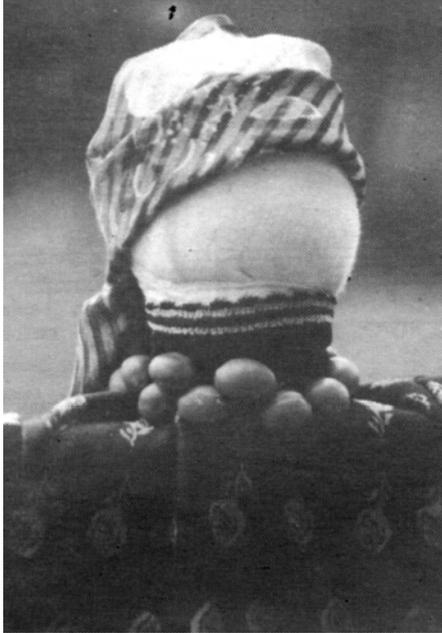

Илл. 10

Куклы — «кукушка» и «кукун» — выполнены, как указывает автор, по описанию А. И. Деминой из с. Бутчино; костюмы: девичий — с оригинала д. Ивашковичи Куйбышевского р-на, мужской — по описанию из д. Плото Барятинского р-на. По материалам статьи, куклы делались собравшимися вместе накануне Вознесения девушками; делали их из тряпочек или прутьев, с ручками-ножками. Они предназначались не для обряда «крещения и похорон кукушки» (свадебного варианта), как можно подумать, но для местного, известного в деревнях Жиздринского и частично Людиновского р-нов обряда «кукушечник». Обряд проводился на Вознесение, к участию допускались парни. Кукол прикрепляли к ветке ели, шли на опушку леса к двум молодым березам, между которыми втыкали ветку.

Кукол «крестили», девушки над ними кумились, кукол затем не хоронили, но оставляли для игры.

Илл. 11. (Брянская обл., Рогнединский р-н, д. Березовка). Кукла-«кукушка». Воспроизведение фотографии, сделанной Е. В. Миненок и представленной в опубликованном кратком отчете фольклорного отдела ИМЛИ о летней экспедиции 1997 г. по селам Калужско-Брянско-Смоленского пограничья (ЖС. 1998. № 4. С. 47—48).

Илл. 11

жении разных других антропоморфных календарных чучел, но очень редкий для «кукушки».

К сожалению, в тексте отчета информации об обряде «похорон кукушки» фактически нет, только указано, что экспедиция зафиксировала реконструкцию такового в д. Березовка Рогнединского р-на. Жаль также, что «кукушка» представлена не целиком, — дан только ее погрудный портрет, и не в цвете, но в черно-белом исполнении.

«Кукушка» здесь — тряпичная (полностью?) антропоморфная кукла, размеры которой остаются неясными. Общий цветовой код, по-видимому, может быть охарактеризован как пестрый.

Привлекает внимание высокий «ожерелок» — воротник «стойкой» или отдельный элемент женского костюма для защиты и украшения шеи. На «кукушке» — крупные «бусы», похоже, растительного происхождения (ягоды? бобы?..)

Пестрый (цветастый) платок повязан, как принято было у молодых, — «шапочкой» (= повойником), то есть косынка концами назад, — встречающийся способ при обра-

Илл. 12. (Калужская обл., Людиновский р-н). «Кукушка», вывешенная М. С. Альтшулер в Интернете на сайте: http://derbenevka.com/nart.php?i=arhiv_obryady&num=kuk

Атрибут выполнен, как указывает М. С. Альтшулер, одной из участниц обряда специально для экспедиционеров (2005 г.?).

«Кукушка» — тряпичная антропоморфная кукла, основой для которой является раздвоенная березовая (или ольховая) ветка.

На «кукушку» надет красный сарафан (или понева?), рубашка в цветочек, отделанная кружевом, и соответствующий ей в расцветке и в отделке передник (вариант: закрытый передник с длинными рукавами — так называемый запон, традиционный для центральных и южных губерний).

На голове узорчатый платок: белый рисунок по темному полю; повязан традиционно — косынкой «под подбородок».

«Кукушка» традиционно «слепа», то есть лица не имеет, что было принято при изготовлении ритуальных и детских кукол.

Илл. 12

Илл. 13. Композиция «Обряды Семика — Троицы» выставки РЭМ «Праздничная жизнь русского народа» (СПб., октябрь 1996 г.), фотография А. Л. Бермана, воспроизводится по: ЖС. 1997. № 1. С. 46.

Илл. 13

Слева на витрине (сверху вниз): троицкий венок из веток (березовых?); «кукушка» (антропоморфная кукла) в гробу; внизу — «свечи» из камыша, относящиеся к комплексу вещей для проведения обряда «похорон русалки»;

Справа: соломенное антропоморфное чучело «русалки», уже упомянутые «свечи» из камыша и лапоть-«кадило».

К сожалению, ни из подписи к снимку, ни из текста, повествующего об экспозиции в целом, нельзя извлечь информацию о том, откуда конкретно — из какой местности (губ., у.) — были взяты выставленные в витрине экспонаты.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЮС	—	Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. В. Калачевым. М., 1850—1861. Кн. 1—3.
ПА	—	Полесский архив: Материалы экспедиций Института славяноведения РАН, проводимых в 1974—1986 гг. под руководством Н. И. Толстого.
СБФ	—	Славянский и балканский фольклор: Сб. ст. М., 1971—1995 (серия).
ФА	—	Фольклорный архив.
ЦНМ	—	Центр народной музыки.
ZWAK	—	Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków.
англ.	—	английский
бел.	—	белорусский
брест.	—	брестский
б. м.	—	без места
вост.	—	восточный
губ.	—	губерния
д.	—	деревня
зап.	—	западный
кашуб.	—	кашубский
кол.	—	коллекция
луж.	—	лужицкий
малорос.	—	малороссийский
обл.	—	область
повсем.	—	повсеместно
полес.	—	полесский
пол.	—	польский
рус.	—	русский
с.	—	село
сев.	—	северный
серб.	—	сербский
у.	—	уезд
укр.	—	украинский

Названия губерний / областей сокращаются до -ск-, например: Калужская губерния — Калуж. губ.